

НАШИ ТАМ

НИКОЛАЙ СТАШКОВ
ПОРОЖДЕНИЕ
ТЬМЫ

Наши там (Центрполиграф)

Николай Сташков
Порождение тьмы

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Сташков Н. Н.

Порождение тьмы / Н. Н. Сташков — «Центрполиграф»,
2021 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09297-7

На планету прилетает камень, похожий на творение гениального ювелира. Он обладает чудовищной магической силой и творит зло руками человека, попавшего под его влияние. В борьбу с марионеткой могучего посланника Вселенной, по воле случая, ввязываются подростки. Им предстоят смертельно опасные приключения.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09297-7

© Сташков Н. Н., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	36
Глава 8	40
Часть вторая	43
Глава 1	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Сташков Порождение тьмы

Пролог

На планете Рапсан в созвездии Кассиопея талантливый ювелир Табур признал застывшую лаву из жерла вулкана более достойным материалом для ювелирных поделок, чем золото, серебро и платина. Несколько увесистых кусков он принес к хижине и две недели почти не выпускал резец из рук, три раза разбивал тяжелым молотком почти законченное изделие.

Наконец его творение приобрело черты настоящего произведения искусства. На плоском диске, диаметром двадцать сантиметров, мастер расположил шесть прозрачных шариков диаметром три сантиметра, по числу вращающихся планет вокруг светила, называемого Реоном. Внутри их виднелись тени, похожие на плавающие по небосводу кучевые облака. Из полупрозрачного центрального диска исходил слабый свет от невидимого источника. Изделие походило на корону, достойную головы могучего владыки.

Табур в восторге заплясал вокруг своего шедевра.

– Ай да Табур, ай да молодец, ай да сукин сын! – выкрикивал он, воодушевленно хлопая ладонями.

– Что это? – заинтересовался подошедший друг ювелира Огон.

– Модель планетной системы нашего Реона, – гордо пояснил ювелир и ткнул пальцем навстречу его лучам.

– Гениальное творение, – оценил Огон изделие и предложил: – Пусть светило передаст своей модели толику энергии.

– Я не знаю, как это сделать, если ты сумеешь, валяй. – Табур махнул рукой.

Огон сходил в хижину за вогнутым сферическим зеркалом диаметром около трех метров, главную оптическую ось направил на Реон, на ее продолжении за полусферой установил модель Реоновой системы.

– Это зеркало связало светило Реон со своей моделью, – объяснил он.

– Зачем?

Огон не успел ответить на вопрос ювелира. Главная оптическая ось зеркала слегка отклонилась, прошла мимо Реона и вошла в ближайшую черную дыру. Она в тысячи раз увеличила энергию Вселенной. Могучая сила по оси зеркала достигла модели планетной системы Реона, сконцентрировалась на ней, напитала ее магической энергией чудовищной силы, затем взорвала планету. Модель осталась невредимой, вместе с мелкими осколками планеты превратилась в метеорит, летающий в межзвездном пространстве, и однажды попала в гравитационную ловушку Земли.

Часть первая

Рождение и развал империи зла

Глава 1

Писарь города Тарича

На окраине большого города Тарича вросла в землю крошечная каморка, похожая на собачью конуру. Там едва-едва размещались небольшая кровать и маленький стол со стопкой бумаги, чернильницей и аккуратно разложенным десятком гусиных перьев.

В этой лачуге жил ученый Вульф, худенький, небольшого роста, похожий на подростка лет четырнадцати, с ежиком коротких, толстых, грубых, как проволока, волос. Он единственный в большой округе города знал грамоту и зачастую писал письма посетителям, чтобы те отправляли их родственникам или друзьям. Иногда он читал и ответные послания. Его в городе называли кому как заблагорассудилось: ученым Вульфом, грамотеем Вульфом или ученым писарем.

Он был беден, как церковная крыса. Платы за работу едва хватало на приобретение бумаги и чернил. Заказчики, как правило сами не богатые, долго копили монеты для послания. Изредка приходил богатый человек, требовал написать письмо под диктовку и оплачивал работу значительно большей денежной суммой, что являлось для Вульфа почти праздником.

Такие дни бывали не часто, и Вульф редко покупал продукты, большей частью обходился тем, что находил в лесу бесплатные дары природы. Одевание писаря состояло из полотняных штанов и длинной рубашки, на ногах потрепанные сандалии.

Гордостью писаря являлся пояс с медной пряжкой в виде орла, готовящегося взлететь. Каждое утро Вульф обмазывал медную застежку красной глиной и полировал маленьким кусочком шерстяной ткани, затем обмывал водой из ручья и насухо вытирал обратной стороной подола рубашки.

Пряжка постоянно блестела, как золото невысокой пробы, придавая бедному одеянию ученого некоторую респектабельность. Его каморка не отапливалась, и в зимнее время порой замерзали чернила, их приходилось долго отогревать дыханием...

Вульф услышал негромкий шум, в дверь не постучали, а поскреблись, и в лачугу просунулась голова старушки с изборожденным морщинами лицом. Она вошла в лачугу писаря, попросила написать письмо сыну, поскольку чувствовала приближение скорой смерти, протянула Вульфу кулачок и положила в его ладонь медную монету малого достоинства, две крупные слезинки выкатились из ее глаз.

– Нужны адрес и имя сына, – сказал писарь, достал из стопки лист бумаги и взял гусиное перо, – деньги оставь себе, пригодятся.

Несколько минут перо скрипело по бумаге, затем Вульф аккуратно свернул его треугольником и написал адрес.

– С какой оказией оправлять будешь?

– Часа через два отправляется караван, он отвезет письмо.

Старушка встала с постели, сделала шаг к двери и пошатнулась, чуть не упав.

– Ба! Да ты голодна! – Писарь поддержал старушку, усадил ее на кровать, порылся в коробочке на подоконнике и вынул кусочек черствого хлеба и пол-яблока. – Чем богат, перекуси пока, я за водой сбегая, здесь неподалеку ручеек.

Старушка съела хлеб с яблоком и запила водой.

– Спасибо, господин писарь.

Вульф проводил посетительницу до каравана, заплатил караванщику деньги за доставку письма и отвел женщину в ее жилище. Затем вернулся домой и сел за стол в ожидании заказчика. Солнце склонялось к горизонту, где начинало свой ежедневный спуск за его границу.

Наступила пора закончить ожидание и позаботиться об ужине, поскольку в животе начало урчать от голода. Внезапно каморка затряслась и заскрипела, как легкое судно на море во время свирепого шторма. Дверь с треском распахнулась, чуть не слетев с петель. В каморку протиснулся высокий мужчина с широкими плечами и копной мохнатых волос.

– Ты ученый грамотей? – Громкий бас, возможно, слышался и на другом конце города.

– Да, господин. Я писарь.

Посетитель критическим взглядом оглядел Вульфа:

– Шарлатан, небось, и обманщик? Деньги получишь, а на бумаге нарисуешь не буквы, а простые закорючки? Выглядишь ты как нищий, просящий подавание.

– Господин, испытайте меня.

– Хорошо. Пиши, только на хорошей бумаге.

– У меня лучшая бумага.

– Коли так, пиши, грамотей.

Заказчик приложил палец к подбородку и начал диктовать:

– «Кант, ослиная башка, жирная свинья, крокодилы какашки. Получил твою бочку пива, разрази тебя гром. Она немногим меньше твоего брюха, полного трепухи. Шли еще, верблюжья задница».

Когда перо закончило скрипеть по бумаге, посетитель выхватил лист из рук писаря, внимательно рассмотрел его:

– Написано справно, прочитай, что ты там накалякал.

Вульф бережно взял лист.

– «Здравствуй, милостивый государь Кант. Получил твою бочку пива, оно отменного качества и очень хорошего вкуса. Благодарю тебя и жду следующей поставки. С уважением...» – негромким голосом прочитал он и поднял глаза на заказчика.

Лицо посетителя покраснело и стало похоже на спелый помидор. Глаза налились кровью. Он не промолвил ни слова, рот беззвучно открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной из воды на берег, но ни вдохнул, ни выдохнул, как в жестоком приступе астмы. Когда дыхание восстановилось, посетитель трахнул лапищей по столу, отчего столешница разлетелась на осколки, а чернильница взлетела к потолку, залив чернилами всю каморку, в том числе одежду писаря и заказчика. Тишину взорвал рев:

– Паршивый обманщик и лживый негодяй, шаромыжник, написал не так, Кант не узнает меня, признает письмо подделкой...

Писарь нашел лазейку в потоке брани и повысил голос до возможного для себя уровня:

– Господин, бумага не запечатлела бы брань и оскорбления, скукожилась бы или просто не приняла чернил. По имени в конце письма друг обязательно узнает тебя, будет доволен вежливым посланием, уважением и сделает тебе скидку на пиво.

Детина перестал сотрясать каморку басом, на его лице отобразилось, как в голове медленно, словно мельничные жернова, ворочались мысли.

– Наверное, ты прав, на то ты и ученый, пиши, – распорядился он, – меня кличут Бартон.

Вульф поднял с пола пустую чернильницу:

– Нет чернил и стола, как дописать письмо?

– Ты писарь, придумай, за стол и чернила я тебе заплачу.

В это время небосвод прорезала яркая огненная стрела. Большой метеорит попал в гравитационную ловушку Земли, не сгорел в атмосфере и упал на большой холм за пределами города Тарича. Раздался оглушительный грохот взрыва, Земля застонала и затряслась в кон-

вульсиях. На месте большого холма образовался огромный кратер. Миллионы тонн камней, песка и земли взлетели в воздух и закрыли солнце. Наступила темнота, как в безлунную ночь.

- Что это? – воскликнул Бартон, испугавшись, что пришел конец света.
- Космический гость упал на землю.
- Солнце скрылось навсегда?
- Нет. Нужны час-два, чтобы пыль рассеялась и засверкало солнце, – ответил писарь.
- Коли так, допиши письмо, караван ждать не будет, – поторопил заказчик.
- Не могу, темно.
- Дай бумагу! – заорал громила.

Вульф нащупал стопку бумаги, отсчитал три листа и протянул их в направлении Бартона. Тот взял ее и поджег. В свете пламени оставшимися каплями чернил Вульф дописал имя отправителя.

- Бартон нащупал в темноте его руку, вложил в нее монеты.
- Хватит на все, – заявил он и вышел.
- Писарь зажал их в кулаке, свернулся калачиком и закрыл глаза.

Утром первым делом он пошел на торговую площадь. Там длинными рядами располагались лотки. Лоточницы во весь голос расхваливали и навязывали товар.

Вульф вначале нашел лоток мебельщика и долго рассматривал журнал с рисунками готовой мебели. Нашел стол необходимого размера. Бартон не обманул, его монет хватало для оплаты и доставки стола, и на покупку чернил и бумаги оставались деньги.

- Скажи-ка, любезный, – обратился Вульф к лоточнику, – разбитую столешницу можно склеить?
- Отчего ж нельзя? – объяснил тот. – Хорошим клеем все можно склеить.

Вульф купил клей и возвратился домой. Его умения работать руками хватило для ремонта стола. Склеенная столешница выглядела вполне приемлемо для лачуги писаря. Закончив со столом, Вульф вновь сходил на торговую площадь, купил продукты для вчерашней заказчицы письма. Поговорить с нею не пришлось, она ночью умерла...

В это время юная Хари принесла на торговую площадь четыре шапочки, похожие на цветную тибетейку, но несколько глубже ее.

- Всем быстрой торговли, – приветствовала Хари соседних лоточниц.
- И тебе много покупателей, – прозвучал ответ.

Не прошло и двух часов, как все шапочки были проданы. Соседка с некоторой долей зависти буркнула:

- Твои шапочки превращаются в топовый товар.
- Поднимай цену, разбогатеешь, – порекомендовала другая.
- Никак нельзя, – улыбнулась Хари, – я побегу, шапки сами не шьются, удачи вам.

За городом она вначале пришла на лесную поляну, где росла саранка – растение с длинным, около полутора метров, стеблем в палец толщиной, без листьев, на верхушке три лепестка и почка цветка. Внутри стебля – тонкие прочные нити черного, коричневого или красного цвета. Ими Хари обшивала каркас шапочек.

С охапкой саранок Хари перешла на другую поляну со странными растениями, около метра высотой, называемыми в народе лониями. Их тонкие зеленые стебли, твердые, как проволока, не имели листьев и цветов. Полянка с ними напоминала ежа, ошетилившегося иглами, прыгать на нее смертельно опасно, стебли насквозь прошивали тело человека. Хари из стеблей лонии обычно делала каркас шапочки, затем его обшивала нитями из стебля саранки. Покидая поляну, она обратила внимание на черную лонию, оказавшуюся тверже зеленой. Два стебля черной лонии с трудом отрезала, из них сшила шапочку для себя.

Глава 2

Дар космоса

В нескольких сотнях километров от города Тарича ожил вулкан, из его жерла, окутанные дымом и парами воды, взлетели на большую высоту камни, песок, земля и вместе с ними осколок метеорита, несколько дней назад попавшего в гравитационную ловушку Земли. Космический гость влетел в каморку Вульфа, пробив ветхую крышу.

Он походил на произведение гениального ювелира и представлял собой почти прозрачный диск диаметром около двадцати сантиметров, с шестью шариками, с белесоватыми внутри них пятнами, похожими на кучевые облака, плавающие по небосводу.

Какая-то чудовищная сила заключила произведение гениального ювелира в камень, обрекая на вечное скитание в глубинах космоса. Удар о Землю освободил его от заточения. Вульф взял пришельца в руки, тот засветился голубоватым сиянием, в это время стол писаря немного увеличился и приобрел некоторую долю солидности, а стены жалкой лачужки раздвинулись примерно на полтора метра и покрылись яркой желтой краской. Жилище ученого писаря перестало выглядеть жалкой лачугой и приобрело некоторую респектабельность.

Вульф с удивлением рассматривал лачугу, в это время чей-то голос зашептал ему в уши: «Отныне ты владыка этой маленькой планеты Земля, я в твоих руках, и потому ты могучий, непобедимый и бессмертный. Бери власть на планете и убивай всех, кто встал на твоём пути».

– Я не хочу никого убивать! – закричал Вульф, но и сам не услышал своего голоса, поскольку в это время находился в другой реальности и не помнил себя. Очнулся от забытья совершенно иной человек. Он стал не самостоятельным и свободным, а марионеткой могучей, злой силы космического пришельца. Тот прогнал сердечность и доброту, вселил в добрейшего ученого и писаря абсолютное зло.

Вульф с презрением оглядел жалкую обстановку жилища. «Довольно писать письма таким остолопам, как этот кретин Бартон, мое призвание – повелевать, я владыка этого мира», – подумал он, бросил прощальный взгляд на каморку с ее содержимым, где прожил много лет, испытывал нужду, лишения и изнуряющий холод, и взмахнул рукой. Из ладони выпорхнул луч ослепительно-белого пламени. Не обращая внимания на начинающийся пожар, через свободный дверной проем Вульф навсегда покинул хижину.

Хозяином мануфактурной лавки был здоровенный детина, под два метра ростом, с косою саженью в плечах, огромными мышцами, бугрящимися на руках и груди.

– А, ученый писарь, – расплылся лавочник в улыбке, – пришел за бумагой и чернилами?

– Нет, – твердым голосом, каким может говорить наследный принц империи, заявил Вульф, – с писаниной покончил навсегда, подбери мне самый дорогой костюм из твоей жалкой лавчонки.

Наглость скромняги-писаря привела лавочника в веселое расположение.

– Ты не забыл, что в прошлый раз остался должен две медные монеты? Плати долг и убирайся, не морочь мне голову, – расхохотался он.

Находясь под воздействием мощной магической силы космического пришельца, Вульф повысил голос:

– Ты, жалкий мелкий лавочник. О долге забудь навсегда. Принеси самый дорогой костюм по моей комплекции. Иначе будешь долго-долго жалеть.

– Ах ты, убудок, жалкий недомерок! – взревел лавочник. – Я оторву тебе нос и скормлю собакам.

Лапища верзилы потянулась к носу Вульфа, но не достигла цели и повисла. Какая-то неведомая сила сдавила горло лавочника. Он захрипел, лицо налилось пурпурно-ядовитым

цветом, глаза начали вылезать из орбит. Рот беззвучно открывался и закрывался, пытался что-то сказать.

Вульф ослабил хватку.

– Довольно или как? – усмехаясь, проворчал он.

– Дай отдышаться, принесу... – прохрипел лавочник.

Вульфу костюм понравился, его не постеснялся бы и носил бы с удовольствием самый знатный человек Антарии.

– Будь здоров, лавочник, отныне будешь платить налоги мне, – прозвучал голос уходящего Вульфа.

Через открытую дверь таверны доносился гул множества голосов, некоторые из них звучали на повышенных тонах. Раньше Вульф обходил таверну стороной. В ней по вечерам собирався со всей округи преступный люд разного пошиба. Здесь частыми гостями бывали склоки и драки с применением оружия, нередко случались убийства.

Владельца таверны звали Баск. Бывший грабитель и убийца нагребил значительное количество серебра, решил уйти на покой и за бесценок купил таверну. Старого владельца таверны после продажи больше никто не видел. Жители города шепотом делились друг с другом слухом, что Баск убил его, чтобы не платить деньги.

Вульф вошел в открытую дверь. В таверне повисла тишина. Стал слышен писк комара, летающего под потолком. Вульф понял, что говорили о нем и недавних событиях в городе, слухи разносились чрезвычайно быстро. Он отыскал взглядом Баска в компании трех приятелей, не внушавших доверия. Событьишники поспешили пересесть за другой стол.

– Наслышан о твоих подвигах, писарь. – Хозяин таверны от его визита не ожидал ничего хорошего, присматривался к вошедшему писарю с некоторым подозрением и ожидал его требований.

– Сейчас мне нужен приличный номер, – произнес Вульф.

– У меня есть лучший во всей Антарии, – Баск облегченно вздохнул, он ожидал худшего, – располагайся в нем.

– и еще, – с минуту помолчав, небрежно сказал Вульф, – найди сотню отчаянных головорезов, готовых на самые безрассудные поступки.

– Как скажешь, писарь, завтра перед таверной увидишь сотню молодцов, они лучшие во всей округе, удаль их оценишь сам.

– Ты вот что, Баск. Не называй меня писарем, мне это не нравится. Обращайся ко мне «мой повелитель».

На следующий день перед таверной стоял шум и гам, сотня богатырей в разнообразных одеждах кучковалась и переговаривалась, порой на повышенных тонах. Вульф вышел к ним, внимательно оглядел всех. Мужики статные, на их лицах запечатлены следы былых жестоких драк. Руки бугрились большими комками мышц. В глазах светилась жестокость безжалостных убийц. Мирные горожане обходили стороной подобных типов.

– Отныне я ваш повелитель, – громко и отчетливо, чеканя каждое слово, чтобы смысл сказанного дошел до сознания каждого бродяги, разъяснил Вульф головорезам, – чтобы мои приказы выполнялись беспрекословно, быстро и четко.

– А не много ли ты на себя взял, малыш? – Высоченный детина, играя мышцами, сделал шаг вперед, нагло разглядывая маленькую фигуру Вульфа. – Одним плевком я могу перешибить тебя.

Вульф поднял голову и брезгливо взглянул в лицо бродяги.

– Как зовут тебя? – спросил он.

– Меня зовут Стан. И что?

Внезапно невесть откуда взявшиеся ремни опоясали тела всей группы бродяг у таверны, плотно припечатав к ним руки. Шея Стана начала удлиняться, в создавшейся тишине отчет-

ливо прозвучал хруст рвущихся шейных позвонков, и голова грубияна безжизненно упала на грудь. Громадное тело еще несколько секунд находилось в вертикальном положении, затем с грохотом рухнуло наземь. Скованный ужасом, привычный к жестокостям разбойный люд взирал на скорую расправу.

– Есть вопросы? – справился Вульф.

В ответ – могильная тишина, не слышно было даже сопения носов, наполняющих легкие живительным кислородом.

– Кому-нибудь из вас приходилось принимать участие в сражениях регулярных армий? – поинтересовался Вульф.

Вперед шагнул громила лет двадцати пяти, кроме жестокости в его глазах светились признаки некоторых мыслительных способностей.

– Меня зовут Брант. Я несколько лет служил в королевской армии.

– Слушайте все: чтобы беспрекословно выполнялись приказы Бранта, как мои собственные, иначе произойдет неминуемая кара, как настгла эту пададь. – Вульф указал пальцем на распростертое тело Стана, повернулся и пошел в таверну, сделав приглашающий жест Бранту.

В номере он усадил гостя в кресло, сам некоторое время ходил из угла в угол, размышляя о чем-то, затем остановился напротив Бранта:

– На улице сброд, а мне нужна боевая армия.

– Для этого нужны время и деньги, – рассудил Брант.

– Сколько нужно времени?

Брант поежился под взглядом Вульфа:

– Чтобы эти необузданные громилы превратились в армию, потребовалось бы не меньше месяца.

Брант оказался хорошим организатором. За три-четыре недели из сброда насильников, грабителей и убийц, не подчиняющихся никаким нормам и правилам, он сколотил дисциплинированное армейское подразделение, боевую сотню умелых бойцов, одетых в желто-зеленые с белыми пятнами комбинезоны. Такая одежда почти не заметна в зеленых летних зарослях и осенью среди жухлой травы и пожелтевшей листвы кустарников.

Из сотни бойцов Брант организовал десять армейских подразделений по десять воинов в каждом, назвал их десятками, в каждый назначил командира, определив им звание десятник, пять десятков объединил в роту, под командованием капитана, всей сотне назначил командиром сотника и возложил на себя звание командующего.

Вульфу понравилась организация армейского подразделения, он захотел убедиться в достоверности доклада и приказал Бранту провести перед таверной показательный бой с деревянным оружием, сам вышел на балкон своего номера, увидел опытных воинов и вновь пригласил Бранта.

– Я доволен, готовь бойцов к захвату города Рокан, – поставил задачу Вульф.

Брант твердо взглянул в глаза Вульфа:

– Позволь слово сказать, мой повелитель.

– Говори.

– Столичный город Рокан охраняет тысяча воинов, имеющих богатый опыт владения оружием и ведения боевых операций, атаковать его сотней бойцов было бы настоящим безумием, кроме того, моя армия не вооружена.

– Что предлагаешь? – Вульф не ожидал подобной дерзости.

– В Рокане жил хороший мастер, я бы заказал ему изготовление оружия.

Вульф минуту подумал, понял правоту Бранта, оценил твердость его характера и смелость.

– Добро, действуй.

Бойцы Бранта поодиночке вошли в город. Ножи и кастеты сдали страже городских ворот. Такое правило издавна было заведено в Рокане и строго выполнялось всеми стражниками.

Брант нашел жилище оружейного мастера Рикса. На стук в ворота долго никто не отзывался, затем открылся глазок, в который не протиснется даже кулак подростка.

– Чего стучишь? – отозвался хриплый голос без ноток гостеприимства.

– Меня зовут Брант. Я ищу дом моего старого друга Тирика.

– Откуда знаешь его?

– Мы вместе служили в отряде Бальтазара.

Тяжелая, окованная железом калитка со скрипом открылась.

– Входи, Брант. Друзья моего сына – мои друзья.

Глаза Бранта увидели маленького старичка с многодневной седой щетиной на лице, одетого почти в лохмотья.

– Ты ли это, Рикс? – удивился Брант. – Тирик много рассказывал о своем отце, гениальном оружейном мастере.

– Был мастер, да весь вышел, – печально вздохнул Рикс, большая капля влаги выкатилась из его глаза, – мой сын Тирик погиб.

– Прости, отец, я этого не знал, прими мое соболезнование. – Брант вздохнул и покачал головой. – Мы с Тириком долго не виделись, он был богатырем, не мог погибнуть в случайной схватке. Как это произошло?

Брант услышал тихий стон, Рикс отвернулся, прошел к столу и сделал рукой приглашающий жест:

– Я не знаю, что и как случилось, садись за стол, кроме вина, мне нечем угостить тебя, не обессудь.

– Тирик мне много рассказывал о матери.

– Через месяц после гибели Тирика она умерла. Я остался один-одинешенек на всем белом свете. Мне жизнь не мила. Каждый день жду смерть, а она, проклятая, не приходит.

Вытерев губы шейным платком после кружки вина, Брант проговорил негромким голосом:

– Погоди умирать, отец. Я пришел к тебе за помощью. Нужно оружие небольшому отряду из ста человек. Ты лучший мастер-оружейник во всей Антарии, помоги нам.

– Зачем оружие твоему отряду? Убивать? Я больше не хочу, чтобы мое оружие несло смерть. Не будь оружия, Тирик был бы жив.

– Ты ошибаешься, отец. Убить человека может даже простая палка или камень. Мой отряд не будет просто, ни за что ни про что, убивать. У меня задача иная. На королевском троне бездушный тиран. Нужно свергнуть его, освободить престол для человека, достойного носить высокое звание короля. Тирик, будь он жив, присоединился бы к моей просьбе.

Рикс надолго задумался, маленькими глотками сквозь зубы цедил вино и невидящими глазами смотрел в пустое пространство голой стены. В его голове мысли сменяли одна другую.

Наконец он принял решение:

– Я сделаю оружие твоему отряду, мне нужно две недели. Выпьем еще по кружке вина, и ты расскажешь о службе Тирика в отряде Бальтазара. Я хотел бы все знать о сыне.

Беседа длилась почти до самого утра. Рассказ Бранта благотворно сказался на самочувствии Рикса. Он помолодел и прибавил в росте, даже некоторые морщины на лице разгладились. Провожал гостя уже другой человек, не открывающий вечером тяжелую калитку и впускающий гостя дряхлый, хмурый старичок, а помолодевший, улыбающийся человек пожилого возраста.

Несмотря на значительное численное превосходство королевской стражи, сотня Бранта в результате неожиданной и стремительной атаки, с небольшими потерями, завладела королевским дворцом, его стражу поголовно истребила, а короля захватила в плен.

Вульф переехал во дворец и принял пленника в его бывшей опочивальне.

– Ваше величество, вам не причинили неудобств?

– Подлый вор и разбойник! Ты посмел насмеяться надо мной, устраивая мне пытку в моей же опочивальне?

– Ну, ну, успокойтесь, ваше величество. Теперь я король Ангории, за оскорбление могу рассердиться и предать тебя лютой казни.

– Я не боюсь тебя, злодей. Я потерял трон, теперь мне и смерть не страшна.

Бывшего короля Ангории перестали слушаться руки. Они схватили горло своего хозяина. Хватка медленно нарастала, продлевая агонию жертвы на продолжительное время. Вульф с насмешливой улыбкой смотрел на мучения пленника.

Ослабив немного нажим на горло, он сказал:

– Если бы ты, ваше величество, попросил пощады, возможно, я бы подарил тебе жизнь.

– Никто из нашей династии никогда и ни у кого не просил пощады, тем более у такого злодея и преступника, как ты, – прохрипел свергнутый король.

– Ты сделал выбор сам. Впрочем, тебя оставлять живым никак нельзя. Ты всегда был бы символом народных волнений. Я любое восстание потопил бы в крови, но кто будет растить хлеб, производить оружие и многое другое?

Молодой новобранец Трик, только сегодня надевший пятнистую форму, не смог смотреть спокойно на агонию бывшего короля. Он вынул меч и одним ударом отсек голову несчастного. Дальше произошло чудо, его запомнили свидетели произошедшего. Меч новобранца словно ожил, вырвался из его руки и начал медленно прокалывать тело своего хозяина.

Новобранец заревел, как голодный лев при виде недоступной добычи, схватил острие руками и попытался выдернуть меч из груди или остановить его медленное продвижение внутрь тела. Руки новобранца окрасились кровью, она текла из разрезанных ладоней к локтям, меч при этом неотвратно продолжал свою работу, очень медленно вонзался в тело несчастного. Отсеченная голова пленника подкатилась к ногам молодого воина, борющегося с собственным мечом, и незрячими глазами взирала на борьбу за жизнь.

– Убрали эту гадость, – сказал Вульф, ни к кому конкретно не обращаясь, и пошел в рабочий кабинет свергнутого короля.

Здесь он решил устроить опочивальню, тайную комнату, и вызвал секретаря:

– Генедо, найди лучшего зеркальщика и приведи сюда.

Генедо ухмыльнулся:

– У меня есть такой на примете, через час он будет здесь.

Несколько дней трудился мастер, трижды разбивал готовое изделие, четвертый вариант полностью удовлетворил императора, в нем Вульф не обнаружил никакого изъяна.

Он отправил зеркальщика домой:

– Найди Генедо, он выдаст тебе вознаграждение за выполненную работу.

Зеркало занимало всю стену, отражая тайную комнату и императора. Вульф щелкнул пальцами, и в нем появилось изображение прилегающей к королевскому дворцу территории, на ней пробегали животные, пролетали птицы, качались на ветру травы и деревья.

Движение пальца по гладкой поверхности зеркала изменяло отражавшиеся территории, преображались пейзажи, трансформировался растительный и животный мир. Одна из картин заинтересовала Вульфа. На ней шестеро воинов армии Бранта на лесной опушке в наступающих сумерках готовили ужин. Один воин нарушил долго длившееся молчание:

– Захотелось мне сходить в деревню за вином, кто со мной?

– Нас предупреждали, император все видит, он скор на расправу, как бы чего не вышло, – отозвался другой воин.

– До него сотни километров, и начало темнеть, авось все будет хорошо.

– Смотри, как бы не пожалеть.

Воин рассмеялся. В это время чья-то невидимая рука извлекла из его ножен меч, он описал в воздухе полукружие, голова воина упала с плеч и закатилась в костер. Его тело, из которого рекой текла кровь, тоже свалилось в костер, загасило его и залило кровью содержимое котелка.

Ужас охватил воинов, они застыли с разинутыми ртами, а вокруг наступила тишина, слышался только легкий шелест листьев от небольшого ветерка. В это время в королевский кабинет влетел Курт, помощник секретаря Генедо. Он что-то хотел сказать, но не мог, слова застряли в горле.

– Ты ворвался в кабинет без спросу, так не мычи, – потребовал Вульф.

– Мой повелитель, – Курт наконец справился с голосом, – Генедо и мастер-зеркальщик при выходе из дворца подрались и убили друг друга.

– И что? – повысил голос император. – Тебе не давали права без разрешения врываться в кабинет, пошел вон.

Армия Бранта пополнялась бойцами. Через месяц после свержения короля в ней насчитывалось порядка пяти тысяч воинов, и состояла она из подразделений в тысячу человек. Тысячи были поделены на сотни воинов, те – на десятки бойцов. Теперь в армии имелись командиры разных рангов: десять солдат возглавлял десятник, сотню воинов вел в бой сотник и тысячу солдат возглавлял генерал. Общее руководство всей армией Вульф возложил на Бранта, назначив его командующим.

Через год Вульф оккупировал почти всю Антарию. В состав империи вошли Ангория, Архипелаг и Семиводье. Территория империи составляла более пяти тысяч километров с запада на восток и почти столько же с севера на юг. Вульф провозгласил себя императором Средиземья и столицей империи назвал город Рокан.

Глава 3

Капитуляция горной страны

Разведка доложила Бранту, что в Фасии, стране гигантских деревьев, не было вооруженной армии, и фасияр насчитывается едва ли больше тридцати тысяч человек. Надеясь на легкий исход, Брант направил туда один отряд генерала Торна. Тот послал на территорию Фасии сотню воинов для разведки боем. Отряд прошел более десяти километров вглубь леса, не встретил ни одного человека и не обнаружил ни одного следа пребывания людей. На огромной территории не нашли ни одного жилища, даже охотничьего домика для временного проживания в сезон охоты на лесного зверя.

На огромной территории лесного массива росли гигантские деревья диаметром в основании десять и более метров. Их гладкие стволы тянулись на высоту более ста метров и завершались большой шапкой из веток. Кроме гигантов, здесь росли невысокие кусты голубики. Их плоды называли талами, они представляли собой маленькие пушистые шарики, диаметром около половины сантиметра. Порывы ветра разносили талы по огромной лесной территории.

Торн поспешил отправить командующему гонца с докладом об успешном захвате Фасии и послал бойцов на вырубку леса. Температура воздуха была выше тридцати градусов. Не было даже легкого колыхания воздуха. С воинов ручьями тек пот, не было сил поднять топор. Вскоре подул прохладный ветерок, несущий маленькие, мягкие шарики. Воины повернулись лицом навстречу ветру и с удовольствием вдыхали прохладный воздух. Вместе с ним в дыхательные пути попадали талы.

Неожиданно один воин заметался по поляне среди гигантских деревьев. Лицо его покраснело, он не мог ни охнуть, ни вздохнуть, глаза выпучились, готовые выскочить из глазниц. Через две-три минуты он замертво упал на моховую подстилку земли. Затем то же самое произошло с другим воином и еще с одним. Вскоре большинство воинов отряда с хрипом металось по поляне.

Минут через десять сотни полторы захватчиков смогли живыми покинуть поляну, более восьмисот человек остались лежать там. Генерал Торн осмотрел нескольких погибших, не обнаружил на их телах ни одной раны, способной привести к смерти. «Мистика», – подумал он и отдал приказ о захоронении погибших.

Вперед выступил высокий, широкоплечий солдат с притороченным на боку мечом и длинной пикой в руках:

- Ты знаешь, генерал, почему умерли парни?
- Нет, не могу понять, на них нет ран.
- Мы хоронить не будем, – твердо заявил солдат.

Генерал рассвирепел.

– Бунт, невыполнение приказа? Я без суда снесу с плеч твою башку! – крикнул он и схватился за рукоятку меча.

Воин не стал ожидать исполнения угрозы, пика прошила генерала насквозь.

– Айда по домам, – сказал он и первым зашагал с места, где гибнут здоровые парни, не видя врага и не вынув меча. За ним потянулись остальные оставшиеся в живых. Минут через тридцать примыкающий к лесу участок опустел.

Брант получил донесение о захвате Фасии отрядом Торна, посчитал задачу выполненной и не отправлял туда отряды, признавая Фасию присоединенной к империи.

Стволы гигантских деревьев оказались пустотелыми, в них начали открываться незаметные ранее проемы дверей. Лесная поляна заполнилась людьми разного пола и возраста. Пожилой фасиярин увидел павших воинов противника.

- Большая армия, нас бы порубала, не успев устать, – вздохнул он.

В это время примерно в тысяче километров от Фасии, страны гигантских деревьев, с высоты кучевых облаков горный орел увидел большую группу людей, идущую к горному массиву. Он полетел навстречу и некоторое время кружил, разглядывая идущих. Они были в пятиугольной военной форме, вооружены мечами, притороченными к поясу, в руках – копья с острыми наконечниками.

Орел стремительно полетел назад, часа через два-три влетел во дворец вождя горной страны Тиры. Несколько лет назад в орла попала стрела охотника. Вождь Файк подобрал раненого и вылечил. С тех пор птица и человек стали верными друзьями, часто общались, прекрасно понимая друг друга. Вождь сидел в каменном кресле, на его руке орел с клекотом кивал. Файк понимал его, как будто тот говорил на языке народа Гиры. Орел рассказал, что на расстоянии двух-трех дней пути в сторону гор движется пара тысяч воинов. Их намерения неизвестны, но навряд ли приятельские.

– Спасибо, друг. – Вождь погладил орла по спине, подумал и потянул привод колокольчика. Тотчас открылась раздвижная дверь, и во дворец вбежал малец лет десяти – двенадцати.

– Пригласи Ворса, – приказал вождь, и мальчишку как ветром сдуло.

Хижина Файка не походила на дворец вождя страны. Небольшое помещение, выдолбленное в скале, выглядело жалкой лачугой. В ней умещались кровать, небольшой стол и рядом с ним два кресла, сложенные из каменных плит. На свободной площади стоя размещались не более шести – восьми человек.

– Садись в кресло, Боре, – пригласил Файк вошедшего пожилого человека.

Тот обосновался в каменном кресле и спросил:

– Что случилось, Файк?

– Орел видел большой отряд имперской армии. Он направлялся сюда, отнюдь не с благими намерениями, готовь оборону, Боре.

– Сколько времени у нас в запасе?

– Двое суток, не более.

– Ох, мало, – пробурчал Боре, – побежал я, Файк, дел возникло невпроворот.

– Подожди, – остановил его вождь. – В имперском отряде две тысячи умелых воинов, у нас едва больше сотни человек. Пошли шустрого мальчика за помощью и подготовку бойцов к отступлению внутрь скал. Поясни свой план.

– Всех умельцев поставлю на изготовление стрел. Лучников отправлю на скалы, там и камни приготовлены, будем отбиваться.

– Сумеет?

– Сложно, великий вождь. На одного нашего мирного жителя – почти двадцать умелых бойцов императора.

После ухода Борса задымили десятки труб, застучали молоты каменотесов на скалах. Ночью работа продолжалась при свете факелов, не останавливаясь ни на минуту.

К подножию гор генералы Бур и Дрон привели свои отряды в тысячу воинов и расположились лагерем. Командующий сводным отрядом генерал Урган пригласил их в свою палатку:

– В этих горах привлекли внимание императора залежи железа, золота и серебра, если не завоюем Гиру, наши головы окажутся на мусорных отвалах.

– У горцев нет армии, они мирные жители, не вояки, – усмехнулся Дрон, – у нас не война, а прогулка.

– Твое слово, генерал Бур? – Урган повернул голову в его сторону.

– Думаю, генерал Дрон прав, Тира слаба для нашей армии, – ответил тот.

Несколько минут командующий молчал, затем приказал:

– Генерал Дрон, с сотней бойцов проведешь разведку боем.

Урган немного знал горцев, в юности один раз побывал у них. Они были невысокого роста, худощавые, приспособленные лазать по горам. У горцев – острые носы и подбородки, у женатых парней отрастает рыжая борода. Горцы – знатные рудокопы и кузнецы, их железные изделия славятся по всему Средиземью. Они умны, находчивы и изобретательны...

Много времени провели в горах разведчики, взбирались на вершины доступных хребтов. В бой вступить не пришлось: отряд не встретил ни одного жителя гор.

Докладывая командиру о результатах разведки, генерал Дрон улыбался. Он ранее высказывал генералу Ургану личную точку зрения о неспособности горцев к обороне. Разведка подтвердила эту версию, и Дрон был доволен своею прозорливостью. Однако командующий Урган выразил недоверие докладу генерала:

– Разведка, безусловно, ошиблась, не обнаружив военные укрепления горцев, без них не обходилась ни одна страна. Примем это во внимание, – заявил он безапелляционно.

Генерал Дрон сделался меньше ростом, поник головой, улыбка слетела с его губ. Если бы он мог, сделался бы совсем невидимым. Командующий на складном столике разложил карту и нарисовал на ней красные стрелы, с двух сторон охватывающие горную страну.

Урган отдал приказ генералам Дрону и Буру:

– Мне нужно, чтобы ваши отряды взяли Гиру в клещи и вынудили воеводу к капитуляции.

Воинам императора давно надоело безделье, они с воодушевлением восприняли выступление. Отряд Дрона по широкому распадку, разделяющему две горы, походным маршем продвигался к длинному хребту. Одна гора на его пути не привлекла внимания генерала, ее острая вершина терялась в облачной выси, а крутые склоны были неприступны. Вторая гора с крутыми склонами на высоте около ста метров завершалась не острой вершиной, а ровной площадкой. Там, возможно, находились горцы, хотя разведка их не обнаружила.

Воины близко подошли к основанию горы и уже взбирались вверх по крутому склону, когда на ее плоском окончании появился человек двадцать с луками в руках. Град металлических, острых стрел обрушился на них, прошивая тела насквозь. Бойцы закрывались щитами, но стрелы их тоже легко пробивали. Большая часть отряда осталась лежать у основания горы. Оставшихся бойцов генерал отвел на безопасное расстояние, горцы не преследовали, в бою на равнине у них не было шансов на победу.

С другой стороны Гиры отряд Бура близко подобрался к горному хребту с острым гребнем, скрытым в облаках. Здесь горцев не должно было быть, однако на высоте метров двадцати на склоне хребта открывались незамеченные окна, оттуда на воинов полетели стрелы. Крики отчаяния, стоны и вопли раненых, повторяемые эхом, звучали какофонией смерти. Более двухсот воинов остались лежать у подошвы горы, когда генерал Бур дал сигнал к отступлению.

Командующий Урган получил известия о поражении и призвал на военный совет генералов Бура и Дрона, командиров отрядов, получивших поражение от горцев.

– Как закончилась прогулка, генерал Дрон? – язвительно спросил командующий.

Тот вскочил, щелкнул каблуками, вытянулся, как струна, преданно глядя в глаза командиру, и пролепетал:

– Ошибся, не вели казнить.

Урган замолчал на несколько минут, затем продолжил:

– Поздравляю, за поражение отвечали головой командиры. Вы свободны.

Генералы ушли, отвели отряды от предгорий километров на десять, чтобы встать лагерем. Захват Тиры отодвигался на некоторое время.

Урган достал из кармана круглое зеркальце и постучал по нему пальцем:

– Брант, возникли непредвиденные обстоятельства, для оккупации Тиры нужны штук двести присосок, бур и сканер, пришли их.

Голова в зеркальце кивнула. На следующий день прилетела стая больших черных грифов с узлами в когтях, в которых оказалось все требуемое.

Урган дал задание командирам отрядов:

– Мне нужно, чтобы вы подобрали по сорок воинов, сильных, но некрупных, дали им присоски для тренировок, я с ними побеседую.

Скалолазы, невысокие стройные ребята, пожаловали на инструктаж. Урган оглядел их, признал способными для выполнения поручений и раздал присоски:

– Необходимо, чтобы вы управляли ими, как своими руками. Ночью влезли на плоский верх горы, дождались выхода горцев из укрытий и разобрались с ними.

Затем командующий отдал приказ генералу Буру:

– Подбери спокойного, уравновешенного человека для проведения сканирования горных хребтов.

Темной ночью скалолазы с помощью присосок без труда взобрались на гору. Утром защитники Тиры, не ожидая нападения, открыли свои убежища и стали легкой добычей императорских воинов, превосходящих их числом и оружием. В ближнем бою луки горцев были бесполезны.

С помощью сканера воины императорской армии обнаружили горный хребет, где прятались женщины и дети, буром прорезали стену, ворвались в убежище и вывели их на открытое пространство. Тогда вождь Тиры Файк встретился с генералом Урганом и подписал капитуляцию. Богатства недр горной страны потекли в закрома империи...

Глава 4

Разбойное нападение

Фея летела над зеленою разнотравья и улыбалась ласковым, теплым лучам солнца. Всюду, куда она переводила взгляд, расцветали яркие, многокрасочные бутоны.

Внезапно улыбка на ее лице погасла, и на нем появилось выражение скорби и печали. На степной тропинке она увидела спящего маленького уродца. Возрастом он казался не старше семнадцати лет, но его маленькое личико с обвисшими щеками было изрезано глубокими морщинами, как бы принадлежало старцу, приближавшемуся к столетнему юбилею.

Длинный, как морковка, нос перпендикулярно отходил от середины лица, затем изгибался полукругом и нависал над верхней губой. На спине, как пень от спиленного на лесной опушке дерева, возвышался горб. Ручки и ножки тоненькие, похожие на хворостинки. Фея опустила на мягкую зеленую траву рядом со спящим уродцем, положила ладонь с длинными пальцами на его голову с копной волос цвета пожухлой травы.

– Несчастное создание, – вслух произнесла фея, – природа в день гнева породила тебя, за короткую жизнь ты ни разу не слышал доброго слова, люди на тебя смотрели с презрением и гнали прочь, сердце твое наполнилось злобой и ненавистью ко всему человеческому роду.

Произнеся тираду, она задумалась, вороша волосы на голове спящего уродца, и заметила блеснувшую белизной прядь. Фея отделила белые волоски и воскликнула:

– Ах, милая сестричкашалунья! Твоя забава дорого обошлась этому юноше.

Фея вынула маленькие ножнички, аккуратно вырезала белые волоски, погладила голову юноши и произнесла про себя несколько слов, затем сорвала зеленый листик, коснулась им лба спящего и улетела прочь, не ожидая последствий благотворного влияния своего вмешательства.

Прошло несколько часов. По степной дороге медленно катилась деревенская телега. Ее по ухабистой дороге лениво тянул ослик. В телеге были четверо молодых людей. Юноша и девушка в жарких объятиях самозабвенно целовались, не наблюдая времени, оно для них остановилось, и весь мир сконцентрировался на предмете любви. Юная пара не замечала тряски, когда колеса попадали в рытвины на дороге, и попутчиков.

Второй юноша держал в руках вожжи, иногда покрикивал на осла, когда тот пытался остановиться. Это случалось редко, он, хотя и лениво, но бодро шагал по дороге. Юноша свободной рукой обнимал за плечи вторую девушку, часто наклонялся и что-то шептал ей на ухо. Девушка улыбалась, слушая ласковые слова юноши, и разглядывала окрестности. Неожиданно ее внимание привлек человек на обочине дороги, спящий на мягкой степной траве. Девушка встрепенулась.

– Ростик, останови ослика, – попросила она.

– Что увидела, дорогая? – нежно прошептал Ростик, наклонившись к уху девушки.

Лина, так звали девушку, протянула руку и показала на обочину дороги:

– Смотри, благородный юноша спит на голой земле.

По причине любви к девушке Ростик увидел в спящем юноше соперника.

– Скорее всего, это маленький уродец, – рассмеялся он.

Лина разозлилась на друга.

– Из-за ревности ты любого оговорил бы, – с негодованием произнесла она, спрыгнула с телеги, подошла к лежавшему на земле человеку и потрясла его за плечо:

– Проснись, благородный юноша.

Тот открыл глаза и покрутил головой, поднялся с земли, отряхнул брюки и рубашку. Девушка протянула ему раскрытую ладонь руки:

– Меня зовут Лина. Как тебя величать?

– Квирик, – пролепетал юноша.

Лине показалось, что голос ее нового знакомого наполнен нотами, присущими достойному человеку высокого ранга. Лина кивнула в сторону телеги.

– Экипаж подан, – рассмеялась она.

Квирик не привык к доброму отношению и не знал, как себя вести, когда не гнали прочь, а разговаривали вежливо, как с достойным человеком. Они подошли к телеге.

– Знакомьтесь, ребята, это Квирик, – представила Лина юношу.

Ее подруга оторвалась от поцелуев, в изящном изгибе протянула руку.

– Аола, – промурлыкала она.

Квирик неуклюже ухватил ее и прижался к ней губами.

– Но, но, приятель, – грубо вскричал Ростик, пытаясь унижить Квирика в глазах своей подруги, – не лапай девушку, не твоя она.

Квирик вздрогнул, сжался и опустил голову, став чуть ниже ростом. Ему показалось, что сейчас ему дадут оплеуху или пинок под зад, к чему он давно привык. По выработавшемуся за многие годы правилу, он приготовился задать стрекача. Лина схватила его за руку и втащила на телегу, затем сбросила с нее котомку Ростика.

– Твоя грубость не знает границ, прочь с глаз, не хочу тебя видеть! – прокричала она.

Аола по примеру подруги тоже бросила наземь котомку своего друга, с кем несколько минут назад самозабвенно целовалась.

– Уходи со своим приятелем, – не повышая голоса, бросила она.

Ее тихий голос прозвучал для ребят громом небесным.

– Но-о-о! – крикнула Лина, ухватила вожжи, сильно дернула их и ударила осла хворостинкой.

Тот, как бы почувствовав настроение седоков, припустил бежать. Вскоре Ростик и Петрик скрылись из глаз девушек.

Квирик поерзал, пытаясь найти комфортное положение, почмокал губами и произнес:

– Девочки, ребята уже устали, вы бы простили их.

Лина натянула вожжи, ослик остановился, и вскоре Петрик и Ростик запрыгнули на телегу.

За крутым поворотом лесной дороги глазам пассажиров предстал большой город Харон. Он занимал обширную территорию от моря на западе и до высоченных гор на востоке. В самом его центре, на высоком холме, сияло здание университета, вокруг расположились дворцы местной знати.

Каждый из них радовал глаз своим неповторимым обликом, созданным талантом архитектора и мастеровыми руками строителей, и отличался от других оттенком одного из цветов радуги. Купола дворцов, испуская в атмосферу отраженный позолотой свет солнечных лучей, создавали впечатление их свечения.

За дворцами знати были добротные дома жителей столицы Ангории. Даже самый привередливый глаз не обнаруживал среди них дома, похожего на хибарку, малопригодную для жилья. Рядом с домами примостились мастерские ремесленного люда. Оттуда всегда слышался стук молотков, звон пил и множество других звуков, сопровождающих труд рабочего человека. Повсюду видны были следы довольства и труда.

Рядом с домами – широкие тротуары из толстых досок, хорошо противостоящих гниению. По ним свободно могли шагать четверо пешеходов, не задевая друг друга плечами.

Улицы города были вымощены красным гранитным камнем. Три большие кареты городской знати могли ехать в ряд, не цепляясь колесами. Четверки лошадей, стуча копытами по каменной мостовой, крупной рысью проносили кареты вельмож по городской магистрали.

Довольно часто по дорогам ездили колымаги горожан с впряженными двумя лошадьми. Нередко по каменной мостовой стучала копытами одна лошадка в коляске горожанина малого достатка. В основном широкие городские улицы бывали заняты деревенскими телегами с запряженными в них осликами. Заполненные товарами телеги сельчан направлялись к городской торговой площади.

Сегодня Лина не узнала город. Не было на улицах карет знати, колымаг горожан и телег с продуктами. По улицам бегали вооруженные пришлые люди в пятнистой одежде. Они врываются в дома горожан, насиловали девиц, убивали родителей и выносили тюки с награбленным имуществом.

Вместо цоканья копыт, перебранки кучеров с извозчиками и громкого расхваливания товара приезжими селянами слышалось мычание угоняемых животных, брань разбойного люда, детский плач, вопли насилуемых и убиваемых. Молодые люди не успели осмыслить происходящее, когда к ним подбежали четверо в пятнистой одежде, грубо схватили и поволокли Лину и Аолу. Квирик, не раздумывая, бросился девушкам на помощь, но получил сильный удар ногой, отлетел в кювет и потерял сознание.

Глава 5

Начало конца империи

– Харон взяли, мой повелитель, теперь Средиземье в наших руках, – отрапортовал Брант, щелкнул каблуками и струной вытянулся перед кроватью, где возлежал Вульф.

– Страна Семиводье, как мне донесли, не успокоилась. Там собрался партизанский отряд, он призывал всех противников империи на борьбу. Разберись, мне не нужны угрозы, – спокойным голосом проговорил Вульф.

С момента жестокой гибели Трика от собственного меча Брант ненавидел Вульфа, но смертельно боялся его, поскольку неоднократно видел, как тот скор на расправу, и в спокойном голосе императора слышал свист меча над своей головой.

– План операции я разработаю и доложу, – сказал Брант и склонился в поклоне перед ложем императора.

Вульф вяло махнул рукой:

– Ладно, иди, я устал.

Брант развернулся и, не меняя подобострастного выражения на лице, щелкнул каблуками. В его голову закралась мысль: «От чего устал, упырь, спит, жрет да с малыыми девочками развлекается, мерзавец».

В это время в груди феи, находящейся за три сотни километров от дворца Вульфа, что-то екнуло. Внутренним взором она увидела Квирика, распростертого на земле, и почувствовала нечто похожее на угрызение совести.

– Я вывела его из сумеречного состояния в мир людей, – вслух проговорила фея в тишину сгущающихся сумерек, – и ответственна за него.

Она подлетела к умирающему, простерла над его головой руку с раздвинутыми веером пальцами и поводила ею в разных направлениях. Квирик открыл глаза, услышал слабый стон, раздавшийся невдалеке.

– Лина, Лина, – попытался крикнуть он, но из горла послышался слабый хрип.

Квирик увидел над собой прекрасное лицо феи, которая удержала его слабую попытку вскочить:

– Найдешь свою Лину, а сейчас слушай и запоминай, я не могу вмешиваться в дела людские, иначе меня изгонят из ордена фей, но тебе я кое-что скажу. Космический гость обладает чудовищной магической энергией, император Вульф не самостоятельная фигура, а его марионетка, победить его возможно только с помощью экрана.

Силы Квирика восстановились, и он сел.

– Что такое экран, где его взять и как использовать? – спросил он.

– Большого я сказать не могу.

Фея потрепала Квирика по жестким, как проволока, волосам и улетела. Стало совсем темно. Квирик пошел по направлению слабого стопа, обнаружил Петрика с отрубленной головой и метрах в трех от него стонущего Ростика. У него была огромная шишка на голове, из раны на плече вытекали капельки крови.

– Можешь встать? – спросил Квирик.

– Не знаю, – прохрипел Ростик, – у меня, кажется, нет головы.

Квирик подхватил его за плечи:

– Поднимайся, пойдём к дому.

Ростик с трудом передвигал ноги, временами Квирику приходилось волочить его. В доме темень пряталась по углам, в середине ее разгонял свет тлеющих в печи дров. На кровати сидела женщина, слегка раскачиваясь вверх-вниз, и что-то бормотала, обхватив голову руками и оперев локти в колени.

– Хозяйка, куда пристроить раненого? – спросил Квирик, втаскивая товарища в дом. Не получив ответа, положил Ростика на кровать рядом с хозяйкой.

– Скорбишь об уже погибших, – повысил голос Квирик, – а рядом умирающий человек ждет помощи.

Женщина ничего не видела, не слышала, продолжала раскачиваться и тихо бубнила что-то непонятное. Квирик склонился над раненым. Тот еще дышал, но жизнь начинала покидать его тело.

– Прости, друг. Я не умею помочь, пойду разыскивать Лину, – сказал Квирик и покинул негостеприимную хижину. В нем проснулись способности к художественному творчеству, он поймал гонимый ветром лист бумаги и по памяти нарисовал углем портрет Лины.

За несколько месяцев Квирик прошел почти всю территорию империи, всюду показывал свой рисунок и видел только отрицательные кивки головой. На торговой площади Рокана, нынешней столицы Ангории, молодая, совсем юная девушка, взглянув на рисунок, испустила тяжелый вздох. Квирик обхватил ее за плечи и затряс с такой силой, что ее волосы перекидывались через плечи спереди назад, и обратно.

– Ты видела ее? Ты знаешь, где она? Отвечай или затрясу до смерти! – заорал он.

– Кто она тебе?

– Кто, кто? Радость жизни, свет в окошке, солнце в небе.

– Жаль. Ее привезли императору для потехи. Похоже, она отказалась ублажать его и покончила с собой. Я видела, как она прыгнула с башни дворца.

Квирик скрипнул зубами и поник головой.

– Убью гаденыша, – выдохнул он и собрался уходить.

Незнакомка схватила его руку, а другой закрыла ему рот.

– Молчи, здесь всюду уши шпионов императора, – прошептала она.

Квирик попытался вырвать руку, но девушка держала крепко.

– Хотел бы, чтобы смерть здесь пришла за тобой? – прошептала она и отпустила его руку.

Квирик с интересом взглянул на незнакомку:

– Как твое имя, красавица?

– Меня зовут Хари, а тебя?

– Квирик.

В это время на мостовую выехал отряд всадников в пятнистой одежде, впереди на белом скакуне восседал человек небольшого роста в сверкающей золотом мантии. На его голове красовалась корона с драгоценными камнями. На полкорпуса лошади позади него следовал высокий человек в пятнистой одежде с золотой нашивкой на груди, выдающей его высокое положение. Дробь барабанов и звон труб военного марша сливались с цоканьем копыт лошадей по камням мостовой, образуя зловещую какофонию. Хари тесно прижалась к Квирику, повалила на землю, обхватила его голову руками и слилась с ним в долгим страстным поцелуе.

– Ни фига, что это было? – недоуменно спросил Квирик, когда она отпустила его и они поднялись с земли.

В этот момент неподалеку от них высокий бородатый мужчина с длинными волосами что-то кинул в сторону отряда императора и во всю силу легких крикнул:

– Злодей, сгори в геенне!

Расплата за неуважение к императору наступила мгновенно. Голова бородатого человека провернулась на триста шестьдесят градусов. Квирик и Хари стояли близко и отчетливо услышали звук рвущихся шейных позвонков.

– Ужас, – прошептал Квирик, обнял и нежно погладил Хари по спине.

В эту минуту он почувствовал сильный толчок, упал на землю и повлек девушку за собой, хотел приподняться, но какая-то сила придавила его, не давая шевельнуть ногой или рукой. Хари приподнялась на колени и огляделась.

– Облом, все лежали на земле, – шепнула она в ухо Квирика.

Когда музыка марша удалась, давление исчезло и Квирик поднялся, Хари взяла его под руку:

– Пошли отсюда быстрее...

Жилище Хари выглядело скорее бедным, чем скромным, в углу была набросана жухлая трава, ее прикрывал кусок ткани со многими заштопанными дырками. В середине дома камнями был огорожен очаг, рядом стоял чурбак, и никакой иной мебели. Все пространство пола завалено пучками разных трав. На воткнутых в стены обломках веток висели разного размера шапочки, похожие на тибетейки.

– Ты живешь одна?

– Одна. Отец сгинул на войне, мама умерла два года назад.

– Этот чурбан твой стол и стул одновременно?

– Это стол, он нужен для работы, на нем я ни разу не сидела.

– Ты шьешь шапки? – Квирик снял одну и нахлобучил себе на голову. – Маловата, большего размера найдется?

– Сними, – фыркнула Хари, нашла другую и протянула ему. – Надень эту, в ней я на торговой площади продаю шапки и покупаю продукты.

Квирик надел ее, затем снял, покрутил головой, несколько раз повторил операцию снятия и надевания и сделал удивленное лицо.

– Что за фигня? – спросил он.

– Почему фигня? – возмутилась Хари.

– Эта шапка особенная? – спросил Квирик после некоторого молчания.

– Не знаю, – ответила Хари, – сделала ее из обычных растений, возможно, в ней есть какая-то тайна, но я ее не знаю.

– Ты на торговой площади была в этой шапке?

– Да, и что?

– Понимаешь, какая фигня, – вздохнул Квирик, – какая-то сила придавила меня к земле, я не мог двинуть рукой и ногой, а ты сумела и без усилия встала на колени. Может быть, тебе помогла шапка не почувствовать внешнее давление?

– Моя шапка обыкновенная, такая же, как и все остальные.

– Ты шила свою шапку из тех же материалов?

– Да, но для моей шапки я использовала черную лонию.

– А для остальных шапок какую лонию?

– Зеленую.

На несколько минут установилось молчание. За тоненькой стеной жилища горячее солнце вовсю старалось, чтобы высохла и загорелась высокая травяная поросль, но она не сдавалась, раскачивалась на слабом ветерке и шумела зеленой листвой.

Квирик взял в руки шапку Хари и другую, рассматривая их со всех сторон.

– Хоть убей, разницы не вижу, – вздохнул он.

– Для тебя сошью такую же, черных прутьев на одну шапку осталось.

Посматривая на голову Квирика, Хари взяла пучок стеблей, сплела основу шапки и стала обвязывать ее нитками. Через два-три часа шапка была готова.

– У тебя глаз как алмаз, – рассмеялся Квирик, – без мерки сшила в самый раз.

– Э, ты поэт, однако. – Хари склонила голову в поклоне. – Подошло бы тебе звание «мэтр Квирик».

– Прикалываешься, подруга? Ну-ну.

– Пошли на торговую площадь, иначе голодными ляжем спать.

Там длинными рядами располагались лотки с разным товаром. Лотчицы во весь голос хвалили товар. Выбор был не маленький. Длинный ряд лотков овощей и фруктов, предлагающих мясо, рыбу, яйца, молоко и прочие продукты. Рядом расположены лотки с хозяйственными товарами. Они продавали одежду, обувь, различный хозяйственный инвентарь. По сравнению с довоенным временем ассортимент и количество товара, предлагаемого на торговой площади сегодня, был несколько меньше, но вполне достаточный.

Высоченный детина в желтом балахоне бродил по торговой площади и приставал к людям с каким-то вопросом. От него шарахались, как от прокаженного. Не обошел он своим вниманием и Квирика с Хари:

– Зачем все бегут от меня? Я не вор и не грабитель, ищу маленького человечка, именующего себя императором.

– Ш-ш-ш. – Хари дотянулась рукой до лица детины, запечатала его губы. – Молчи, получишь ответы не здесь.

Друзья привели странника в дом Хари. Он представился Бартоном, рассказал, что император самозванец, что ранее его звали Вульфом, что он был бедный писарь, почти нищий, зарабатывал на хлеб тем, что писал письма для неграмотных людей.

– Ты не гонишь, приятель? – не поверил Квирик. – Сегодня мы видели, как он свернул голову человеку, не прикасаясь к нему.

– Можешь не верить, а я своим глазам доверяю, – упорствовал тот.

– Расскажи, что видел? – попросила Хари.

– Я был в его лачуге, он за плату писал для меня письмо, я найду паршивца и убью его. –

Бартон вскочил и направился к двери.

– Стой! – в унисон закричали Квирик и Хари.

Однако он махнул рукой и вышел. Квирик бросился было за ним, но Хари остановила:

– Пусть идет, его сейчас и огонь не остановит.

– Он погибнет! – вскричал Квирик.

– Надеюсь, ему хватит ума не лезть на рожон, – вздохнула Хари, – он показался мне приличным человеком...

Друзья приуныли, в молчании провели остаток дня. Утром Хари проснулась от ощущения, что в жилище находятся посторонние люди, и открыла глаза. На приготовленных для зимы охапках хвороста сидели и о чем-то тихо беседовали Бартон и высокий мужчина в расшитой золотом одежде. Хари узнала в нем командующего армией императора.

– Ну ты и мерзавец, прикидывался другом, предатель! – закричала она.

– Что произошло? – спросил Квирик, проснувшись.

Ответил человек в одежде, украшенной золотой росписью:

– Я Брант, командующий армией, перехватил вашего друга, когда подстерегал императора.

– И не убил его? – не поверила Хари.

– Опротивели убийства.

– Коли так, избавь землю от тирана.

– Пока у императора волшебный камень, я выполняю его приказы.

– Найми вора, коли самому страшно, – посоветовал Квирик.

– Даже сумасшедший вор ничего не воровал у самого императора, – произнес Брант уныло, – впрочем, я задержался непозволительно долго, предлагаю вам оставить это логово, и позвольте откланяться.

Он слегка поклонился и вышел из хижины, притворив за собою дверь. Оставшихся охватил страх, они почувствовали безысходность и надолго замолчали. Затем Бартон поднялся с пола, расправил плечи, сжал кулаки и вышел из хижины, сказав на прощание:

– Не поминайте лихом.

Глава 6

Партизаны против империи

Солнце перевалило за высшую точку траектории своего ежедневного движения по небосводу, горячими лучами жгло землю и грело камни на вымощенной ими дороге. На улице жарища, а в доме прохладно, вроде на дворе не жаркое лето, а ранняя осень. На кровати мужчина обхватил голову руками:

– Пустельга, принеси пиво, или я умру от жажды, – захныкал он.

– Умирай, – донесся сварливый голос из кухни, – твое пиво в печенках у меня, и хочу, чтобы я никогда не видела его и не слышала о нем.

– У-у-у, – завыл грубый голос, – не Пустельга ты, а пустышка.

В это время раздался громкий стук в дверь, Пустельга открыла ее.

– О-о-о, Бартон. Сто лет не заглядывал к нам, балдежник ты этакий, – радостно закричала она, обошла вокруг гостя, рассматривая его со всех сторон. – Как был добрым молодцем, так им и остался, – подвела хозяйка итог осмотра и повела гостя в спальню, – а мой забулдыга давно не просыхал, вчера бочонок пива в себя влил, теперь мучается.

Кант лежал поверх одеяла.

– Оденься, бесстыдник. – Пустельга швырнула халат на постель.

– Оставь меня, несносная женщина, я умер, – прохныкал Кант.

– Ты не умер, а хандришь, великий пивовар? – пробасил Бартон и ткнул старого друга пальцем в грудь.

– Был пивовар, да весь вышел. – Кант лениво поднялся с постели и набросил халат на плечи.

– Друг мой, как я рад, что вижу тебя, отбрось хандру, предстоит большое дело.

– Нынче никаких дел нет, – хмыкнул Кант, – ни больших, ни маленьких.

– Пойдемте в столовую, – пригласила Пустельга, – мы пока не голодаем.

Она накрыла стол. Старые друзья, с постными минами на лицах, уселись за него. Несколько минут длилось молчание. Наконец Бартон разродился вопросом:

– А что, люди здесь голодали?

– А как же, – проворчал Кант, – помнишь Клипча?

– Того, что поставлял тебе ячмень? Конечно, помню, славный малый, товар у него был самого высокого качества.

– Да, малый, десять пудов весом, – улыбнулась Пустельга.

– И что с ним? – спросил Бартон.

– Умер от голода. За месяц сгорел, бедолага.

– Не завирайся! – вскричала Пустельга. – Он умер не от голода, а захлебнулся пивом, тебя ждет такая же участь.

– Цыц, женщина! – вскричал Кант. – Не мешай мужчинам вести беседу.

Пустельга, в сердцах стукнув дверью, ушла на кухню и начала греметь посудой. Кант достал из-под стола бочонок и наполнил кружки.

– Опустошим последний бочонок моего пенного напитка, – сказал он, понурился, и из его глаза выкатилась крупная капля влаги.

– Погоди с пивом. – Бартон отвел руку Канта с кружкой. – Расскажи, что делают здешние мужи?

Кант тяжело вздохнул, понурил голову и вяло взмахнул рукой.

– Понятно, – угрюмо пробормотал Бартон, – знакомая картина, кого не убили, тот держится за бабью юбку.

– А ты что думал? – вскричал Кант, вскочил и забегал от одного окна к другому. – Надо быть совсем дураком, чтобы переть на дикую силищу.

– Прости, друг, я не хотел тебя обидеть. – Бартон встал из-за стола и побрел к выходу.

– Не спеши, допьем последний бочонок пива и пойдем вместе искать удачу.

В это время в дом влетел вихрастый мальчишка лет двенадцати. Он хотел что-то сказать, но увидел незнакомца, и слова застряли в горле.

– Знакомся, Клун, – усмехнулся Кант, поняв причину молчания мальчика, – мой друг дядя Бартон, можешь говорить.

– Меня послали за тобой, только тетя Пустельга не должна знать, куда пойдем.

– Я провожу Бартона! – от порога громко крикнул Кант и вытолкнул парнишку за дверь.

– Уже уходишь? – Пустельга высунула голову из-за кухонной двери. – Мы не успели и словом перекинуться.

Тот повернулся лицом к хозяйке дома и развел руки в стороны:

– Ничего не поделаешь, труба зовет...

Мальчишка долго петлял по селению, часто менял направления, оглядывался, наконец, привел мужчин к зарослям раскидистых деревьев. За ними был дом, невидимый снаружи из-за деревьев и их ветвей. Он казался нежилым, изнутри не доносилось ни единого звука, однако там на чурках сидели восемь или девять бородатых мужчин. Они замолчали, услышав шум шагов на улице, и с подозрением стали разглядывать вошедшего незнакомца.

– Звали? Я здесь. – Кант не скрывал мощь своего голоса. – А где пиво?

Бородачи переглянулись. Ответил кряжистый, рыжеволосый мужик, одетый в полотняные штаны и темнокоричневую рубашку навывпуск:

– Вопрос задай себе, ты ведь у нас пивовар, а не мы.

– Кончай пикироваться, рыжий, – громыхнул голос Канта, – или говори толком, зачем звал, или я уйду. Меня Пустельга ждет.

– Остынь, – усмехнулся рыжий, – познакомь нас со своим другом, он, случайно, не шпион империи?

– Ты хочешь меня оскорбить? – вскричал Кант. – Бартон мой друг, этим все сказано.

– Охолопись, – миролюбиво произнес рыжий, – у императора везде глаза и уши, приходится подозревать всех незнакомцев, такова жизнь. Мы собрались и обсуждаем дошедшие до нас слухи.

– До глупых слухов мне нет дела, – проворчал Кант.

– Ты послушай, о чем идет в мире шепоток, – изложил рыжий, – объединились партизанские отряды Семиводья и Архипелага и пригласили храбрецов Средиземья для борьбы с империей Вульфа.

– Думать нечего! – заявил Бартон. – Пока я промышлял зайца, налетели пятнистые, всех в селении убили. Я принимаю приглашение.

Рыжий с уважением осмотрел его могучую фигуру.

– Мне по сердцу твоя позиция, наши некоторые мужики всю жизнь держались бы за бабью юбку, – с усмешкой отметил он.

Вспылил чернобородый верзила, покраснел, вскочил с чурбака и, гневно глядя на рыжего, устремил на него указательный палец.

– Вздумал оскорблять меня, берегись, я вырву твой поганый язык и скормлю крысам! – заорал он и попытался шагнуть.

– Побереги свой язык, вдруг останешься немым. – Рыжий тоже поднялся на ноги.

– Остыньте, мужики, – Кант утихомиривал спорщиков, – сейчас ругань совсем не нужна. Мужики с виноватым видом опустили на чурбаки.

– Прости, Фанк, – пробурчал верзила. – Все же поход на империю не разумен. Она слишком сильна, и император, по слухам, владеет мощной магией. Пойдем на верную смерть. Разве это разумно?

В это время дверь распахнулась и в дом влетел Клун, подслушивавший снаружи.

– Трусые проклятые, стыдно за вас, вы не мужики, а детишки малые, сидите дома, мы, мальчишки, пойдем драться! – выкрикнул он и выбежал прочь.

– Вот бедовый сорванец, – вздохнул бородач в зеленом кафтане. – Мальчишки точно сбегут на войну, как пить дать.

– Итак, – произнес Фанк. – Кто остается?

Ответом послужила тишина, стал слышен полет мухи под потолком. После молчания стали дружно обсуждать план кампании. Поступающие предложения тщательно анализировались, либо принимались, либо отвергались. Наконец план составили. Было намечено место сбора за границей империи, к месту встречи нужно добираться поодиночке, сторожевые псы императора с подозрением относились к группам любой численности.

Кант собрался уходить и обратился к Бартону:

– Понимаешь, друг, ночуй здесь, иначе Пустельга возненавидит тебя, решив, что ты смазил меня на войну...

Когда все разошлись по домам, тот улегся на полу и мгновенно уснул. Проснулся с первым лучом еще не полностью выползшего из-за горизонта солнечного диска, умылся в ручейке, протекавшем шагах в тридцати от избушки, вместо завтрака сорвал и съел яблоко и набил ими дорожную сумку...

В самое жаркое время дня, когда горячее солнце пытается поджечь волосы на голове, он остановился под деревом и в его тени полежал на мягкой траве часа два, может, три. Затем поднялся, огляделся вокруг, не заметил ничего подозрительного и продолжил путь. Ближе к вечеру, когда солнце коснулось горизонта, его остановил окрик:

– Эй ты, верзила, стой на месте, либо получишь стрелу!

Из высокой травы неподалеку поднялись четыре фигуры в пятнистых комбинезонах, на левом боку у них был приторочен меч, в руках – лук с натянутой тетивой. Стрелы направлены на Бартона, от них не скроешься падением и не убежишь. Пятнистые приблизились, остановились в двух шагах и окружили.

– Ты кто такой и откуда?

– Меня зовут Бенар, я из Мерлена, охочусь на зайца, – прохрипел тот.

– Ха-ха-ха! – расхохотались пятнистые. – Мерлен за пару сотен километров от этих мест, ты умеешь летать?

Бартон промолчал, не найдя ответа.

– Не повезло тебе, приятель, – засмеялся пятнистый, – отведем тебя к старшему, а с ним разговор короткий, головы вмиг с плеч слетают.

– Может, не надо к старшему?

– Надо приятель, надо, – продолжал посмеиваться пятнистый, слегка опуская лук.

– Ой, кто это? – вскричал пленник, посмотрев вверх голов пятнистых, стоящих спереди.

Те оглянулись. Бартон мгновенно развел руки в стороны, отклонившись назад, резко ударил тех, которые находились позади него, мгновенно пнул ногой одного из передних, второго со всей силы ударил кулаком. Взяв меч лежащего врага, он проткнул их по одному, чтобы они, охуавшись, не стали преследовать его.

– Пролетел ваш старшой, моя голова самому нужна, – усмехнулся Бартон...

К дальнейшему походу он был мало подготовлен, не было бурдюка для запаса воды и сумки для немудрящих продуктов. Голод в пути преодолевался растительными дарами природы, жажда порой мучила, поскольку речушки попадались не часто.

За семь дней трижды встречались патрули пятнистых, два раза он сумел разминуться, прячась в траве и за стволами деревьев, один раз столкнулся лицом к лицу с двумя воинами. Пришлось убить их, его реакция оказалась быстрее.

На восьмой день встретила преграда, казавшаяся непреодолимой. На границе с Семи-водьем была сосредоточена армия императора – не менее тысячи воинов. Пришлось ночью ползать в траве, стараясь не шуметь, и высматривать разрыв в охране границы. Обнаружить его не удалось. Бартон отполз от неприятеля назад шагов на сто, в высокой траве устроил ложе и крепко заснул. Утром он услышал шум, как будто ползет человек, напрягся, приготовившись встретить незваного гостя, и изумленно прошептал:

- Клун? – и сразу прикрыл рот ладонью.
- Там прячутся люди, – прошептал подросток и указал рукой направление.
- Далеко до них?
- Шагов сто, не больше.

Бартон приподнял голову и увидел на деревьях воинов, внимательно смотревших в его сторону.

– Плохо дело, – вздохнул Бартон, – за полем наблюдают пятнистые воины, они засекут нас и бросятся в погоню, их много, и они вооружены луками.

- Давай вскочим и побежим, – предложил Клун, – пока они очухаются, мы будем далеко.
- Попытаться можно, если впереди кто-то спрячется, угодим из огня да в полымя.
- Да, бежать нельзя, у березки меня ждут друзья, – вздохнул Клун.

– Негодники, матери дома с ума сходят, – без злости упрекнул Бартон, – будем ждать темноту, твои друзья не привлекут наблюдателей?

– Нет, мы осторожные.

– Да уж, – проворчал он, – я вас не замечал, внимательно осматриваясь, кто вас подговорил идти за мной?

– Мы не малыши и можем сражаться с врагами.

– Воины, – усмехнулся он. – Отцы выпорют вас ремнем, как Сидоровых коз.

Клун обиженно надул губы, перевернулся на спину и стал разглядывать голубое небо, где плавали редкие кучевые облака, похожие на маленькие кучки снега. Немилосердное солнце посылало на землю горячие лучи, они пытались выдавить последние капли влаги из всего, что попадалось им на пути.

Бартон потрепал Клуна по волосам:

– Не обижайся, приятель, я не хотел тебя обидеть, но, будь ты моим сыном, обязательно высек бы за побег из дома. Мир? – спросил он и протянул руку.

Клун небрежно хлопнул ладонью по протянутой руке, улыбнулся и начал рассказывать, как они крались вслед и видели, как пятнистые поплатились жизнью за коварное нападение. Клун оказался хорошим рассказчиком, с юмором говорил о своих друзьях и недругах, о разных событиях. Незаметно летело время, день начал клониться к вечеру. Солнечный диск коснулся горизонта, удлиннились тени редких деревьев, одиноко стоящих на степных просторах. Наблюдателям пятнистой армии неприятеля лучи солнца светили в глаза, мешая осматривать окрестности.

– Кончай валяться, – Бартон перевернулся на живот, – ползем к твоим друзьям.

– А наблюдатели?

– Не заметят, им солнце в глаза.

Друзья Клуна услышали шум, создаваемый ползущими, и отползли в густую траву, освободив примятую.

– И где твои друзья?

– Мы здесь, – прозвучали с трех сторон негромкие голоса.

– Зачем прятались? – проворчал Бартон.

– Вместо вас могли оказаться чужаки, – в унисон ответили три голоса.

– Что скажет разведка? – спросил Клун.

– Там, впереди, за пятнистыми, находятся другие люди, их много, посчитать не смог. У них хороший дозор, ночью не спит, – доложил черноволосый мальчуган.

– Возможно, это и есть партизаны, тогда мы к ним и шли, – с сомнением пробурчал Клун.

Подростки ранее нашли разрыв в охране границы империи, и сейчас все просочились в него. На другой стороне армии пятнистых, шагов через пятьдесят, из травостоя вынырнули четверо мужчин в синих комбинезонах.

– Не вздумайте бежать, стрелы быстрее.

– Кто вы? – поинтересовался Бартон.

– Молчи, командир ответит на все вопросы.

Шли недолго. Шагах в сорока оказалась роща, в ее глубине стояло порядка десяти больших домов, невидимых за деревьями. В одном из них четверо мужчин за столом разглядывали карту местности с кривыми синими линиями и красными стрелами. Молодой человек, с небольшой бородкой, в коричневой кофте, повадками похожий на командира отряда, взглянул на вошедших.

– Где взяли? – спросил он стражу.

– Они шли со стороны Ангории в нашем направлении.

– Хорошо, идите на пост.

Трое сидевших за столом поднялись и остановились за спинами Бартона и молодых людей. Вопросы начал задавать тот, что остался сидеть за столом.

– Кто вы, куда идете?

– Тот же вопрос вам... – встряв в разговор, пропищал Клун.

Командир в коричневой куртке поморщился:

– Вы шпионы императора?

Бартон прижал руку ко рту Клуна, не дав договорить фразу.

– Мы из Ангории, идем по вашему призыву воевать с пятнистой чумой, сюда подойдут еще восемь наших товарищей, – ответил он.

– А ваши мальцы?

– Мы не мальцы! – закричал Клун и гордо вскинул голову. – Мы воины.

В это время в кабинет вошли двое юношей в зеленых комбинезонах, увидели посторонних и остановились в нерешительности.

– Слушаю, – произнес командир, оглядывая вошедших.

– Занир, разведка не удалась, напоролись на засаду, – виновато произнес один из парней.

– Я близко видел отряды пятнистых. – Звонкий голос Клуна привлек внимание Занира. – Могу зарисовать места, где они расположились, и подходы к ним.

– Ну-ну, нарисуй, что видел, – сказал Занир и предложил ему стул, положив на стол бумагу и карандаш.

Больше получаса Клун пыхтел, кусал временами карандаш, что-то непонятное бормотал себе под нос и временами закатывал глаза к потолку, словно хотел там увидеть подсказку.

– Готово, – наконец сказал он и придвинул свое творение командиру.

Занир изучил рисунок, встал из-за стола и потрепал Клуна по волосам.

– Молодец, малой, настоящий разведчик, – сказал он и вышел из дома.

Через несколько минут другие стражи партизанского отряда Семиводья ввели в штаб восемь пленников с хмурым выражением на лицах. Один из них был Кант, он тотчас бросился к Бартону, раскрыв объятия.

– Кто эти люди, враги или друзья? Ничего не понятно по их непроницаемым мордам, – прошептал он другу в ухо.

– Они друзья. – Бартон рассмеялся и похлопал Канта по плечу. – Мы направлялись именно к ним.

Клун и его друзья виновато понурили голову. Их отцы в незнакомой обстановке подавили гнев, покачали головой и пригрозили:

– Ну, сорванцы, ремень попляшет на ваших задницах.

Вернулся Занир и оглядел новых присутствующих. Один из стражей доложил:

– Генерал, мы задержали неизвестных.

– Мои друзья, генерал, – поспешил с объяснением Бартон, – мы шли по твоему призыву воевать с империей.

– Поодиночке?

– Так надежнее, – вклинился в разговор Кант. – У империи всюду глаза и уши, группа вызвала бы подозрение, а император скор на расправу.

Генерал Занир сел за стол, представил командиров отрядов, детали разработанного им плана ночной атаки на армию императора и предложил внести коррективы. После нескольких изменений план был согласован и утвержден командующим.

Командир не обошел вниманием и компанию юнцов:

– Клун, тебе и твоим друзьям есть задание...

– Мы готовы! – вновь в унисон крикнула троица мальчишек.

Генерал поморщился, он не любил, когда его прерывали, не дослушав:

– Нужно, чтобы вы провели отряды Бута и Хамери в тыл противника.

– Все будет топ-топ, генерал! – вскричал в восторге Клун.

Ночь была безлунной, темно как в могиле. Мальчишки распределились на две группы. Клун и Трикс повели отряд Хамери, вторая группа сопровождала отряд Бута. Как в сплошной темноте ребята находили дорогу, что служило им ориентиром, воины Бута и Хамери не задумывались. Стараясь не производить шума, отряды шли вслед за белыми холстами в руках проводников. Через два или три часа они встретились в тылу армии императора и залегли в ожидании сигнала атаки.

Солнце пока не взошло, небо лишь слегка посветлело, густая темень растворилась настолько, что стали видны силуэты в десяти – пятнадцати шагах. Генерал Занир приказал передовому отряду, крича во всю силу легких, атаковать армию императора.

– А-а-а! – громкий крик, исторгнутый из глоток двух сотен воинов, разорвал тишину.

Охранение пятнистых не продержалось и пятнадцати минут. Бойцы отрядов Бута и Хамери услышали сигнал и ринулись в атаку. Началась жестокая рубка. Полураздетые бойцы имперской армии выбегали из подземных спален и сразу попадали под мечи атакующих воинов. Многие из них не успевали взять в руки оружие. Несмотря на большое численное преимущество и яростное сопротивление, не более чем за два часа императорский отряд был уничтожен. Около двадцати воинов сумели вырваться из окружения.

Часа через три-четыре после победы вернулся отряд разведчиков, посланный Заниром вчера, и доложил, что примерно в двух днях пути идет отряд императорской армии, численностью никак не меньше трех-четырёх тысяч воинов.

Генерал Занир пригласил в штаб командиров Бута и Хамери:

– Какие ваши соображения?

Молчание затянулось. Никто первым не хотел произнести напрашивающееся в такой ситуации слово «отступление». В это время в штаб вошел высокий, широкоплечий человек лет пятидесяти, с копной кудрявых черных волос.

– Я генерал Хотин, командующий партизанской армией Архипелага, приветствую вас, господа, – сказал вошедший и прошел к столу.

Занир улыбнулся и пожал ему руку:

– Сколько у вас воинов, генерал?

– Восемьсот человек.

– Маловато, – вздохнул Занир, – сюда идет четырехтысячный отряд императорской армии, у нас набирается около полутора тысяч воинов.

Бут переступил с ноги на ногу и покачал головой.

– Бой мы бы проиграли, лучше отступить и продолжить пополнение, – уныло проговорил он.

– Я никогда не праздновал труса, приятель! – гневно вскричал Хамери.

– Это не трусость, а здравый смысл, – сжал кулаки Бут, готовый броситься в драку.

– Не ссорьтесь, господа, – постарался успокоить их генерал Хотин. – Много лет назад, когда я был безусым юнцом, наш отряд в четыре сотни человек наголову разбила горстка воинов противника, не более сорока человек.

– Не рассказывай сказки, генерал, – не поверил Бут.

– Как это произошло? – спросил Занир, тоже не доверяя рассказу.

Генерал Хотин подмигнул:

– Мы попали в ловушку. Они выкопали глубокий ров, атака захлебнулась, большая часть атакующих оказалась на дне. Остальным пришлось ретироваться.

Занир поморщился:

– Чем копать окоп, мечами?

– Зачем мечами, – возразил Хотин. – Мои бойцы постоянно носят в походах лопаты...

Работа закипела. Уставшие воины отдыхали, а лопаты переходили из рук в руки. За два дня и две ночи выкопали широкий и глубокий ров. Нетронутый верхний слой почвы делал его невидимым и опасным. Шагах в пяти-шести от кромки рва, не скрываясь, расположился небольшой отряд воинов генерала Занира. Остальные, прикрытые густой порослью высокой травы, оказались невидимыми наступающему врагу.

Четырехтысячный отряд неприятеля не заставил себя долго ждать, увидев небольшой отряд противника, он с ходу ринулся в атаку. Большинство атакующих провалились в глубокий ров. Исход боя завершили выскочившие из засады бойцы, их натиска не смогли сдержать остатки растерянных воинов императора. Часть из них пала от мечей, часть тоже провалилась в ров, из него раздавались вопли и проклятия раненых.

Тридцать восемь воинов армии повстанцев пали в бою, их похоронили с воинскими почестями, как героев, ковавших победу.

– Что делать с теми, кто во рву? – спросил Хотин Занира.

Занира судьба попавших в ров не интересовала.

– Убивать не будем, кто сумеет выбраться, пусть живет.

– Оставить их умирать во рву есть жестокая казнь, мы воины, а не палачи.

– Что предлагаешь?

– Опустить в ров лестницу, пусть выбирают наверх...

– И что? – не дослушав, спросил Занир.

Генерал Хотин поморщился:

– Кто-то из них перейдет к нам, остальные пусть расходятся по домам.

Без соответствующих инструментов и материалов соорудить лестницу оказалось задачей трудновыполнимой, потребовались смекалка и сноровка. На поверхность из рва выбрались около двух тысяч воинов. У них в руках мечи и длинные копья с острыми наконечниками. Они бросили оружие в кучу и стали о чем-то тихо переговариваться. Вооруженный отряд победителей окружил их, отеснив от оружия.

– Кто ваш командир? – громко крикнул генерал Хотин.

Сквозь цепь окружения протиснулся кряжистый воин в пятнистой униформе и подошел к генералу.

- Меня зовут Уран, я командующий отрядом, – представился он и слегка склонил голову.
- Идем в штаб.

В штабе за столом, с кружками напитка, сидели генерал Занир и четверо младших командиров армий Архипелага и Семиводья. Для пленного командира вражеской армии Урана Хотин поставил кресло:

– Ваше оружие мы конфискуем. Отряд под вооруженной охраной отведем в глубокий тыл. Таковы наши условия капитуляции, – сообщил он решение, принятое совместно с генералом Заниром.

Уран встал с кресла и твердо сказал:

– У меня есть два условия.

– Говори.

– Воины должны перейти на службу в вашу армию, иначе они зря погибнут, не пройдет и суток.

– Можно принять, – согласился Хотин, увидев утвердительный кивок генерала Занира. – Какое второе условие?

– Я вместе с сотней бойцов уйду с оружием в руках.

После недолгого обсуждения генералы приняли условия Урана. В это время в штаб влетел Клун, с верхушки высокого дерева осматривавший территорию, откуда ожидалось нападение императорской армии.

– Занир, сюда мчится большое стадо волков!

Уран побледнел и прошептал:

– Не успели! Генералы, нужно, чтобы все воины оцетинились копьями.

Хотин громко отдал такой приказ воина, затем спросил:

– Зачем?

– Если оцетинимся копьями, возможно, уцелеем, – хмыкнул Уран.

Объединенный отряд воинов с копьями в руках походил на громадного ежа, направившего острые и длинные колючки навстречу сплошному потоку беспощадных, злобных тварей, похожих на волков, только вдвое большего размера, в их вытянутых мордах были длинные острые зубы, способные в мгновение ока перекусить человека. Наткнувшись на острые копья, волки не падали в ров смертельно раненными, а просто исчезали, распадаясь на атомы. Через час атака монстров прекратилась, все твари испарились, не оставив после себя ничего, словно их никогда не было.

– Бегите сами и уводите людей, вскоре сюда прибудет сам император, тогда вам не поздоровится, – сказал Уран и с сотней воинов поспешил покинуть место побоища. Они быстрым шагом, похожим на бег, направились в известном только им направлении.

«Нам бежать некуда», – пронеслась мысль в мозгу Занира.

Он назначил дозорных и приказал отдыхать остальным воинам.

Утром Занир почувствовал некую напряженность и исходящую от нее угрозу. Он открыл глаза и увидел Хотина с рогом на лбу и лицом обросшим волосами. Его злобные глаза пылали молниями, а руки тянулись к мечу.

– Озверел генерал, – прошептал Занир и бросился на него с мечом.

Равным по силе противникам площадь штаба оказалась тесной, они выбежали на улицу и остановились.

Там тысячи воинов в полном молчании вели бой по принципу «каждый против всех». Повсюду валялись трупы и раненые. Окрестности были напоены стонами и звоном мечей. В золоченом кресле восседал император и с усмешкой наблюдал за бойней. Вокруг него прямо на траве сидели высшие чины империи.

Генералы Хотин и Занир в пылу боя друг с другом пришли в чувство, осознали происшедшее вокруг и посчитали момент удачным для нападения на императора и его свиту. Те не держали меча в руках, для опытных воинов служили легкой добычей. Но генералы не успели ринуться в атаку: невероятная сила развернула их лицом друг к другу и заставила воткнуть мечи в грудь стоящего напротив противника. Через десять – двадцать минут на поляне не осталось ни одного живого воина. Озверевшие бойцы рубили головы и подросткам. Голова мальчишки лет двенадцати подкатилась к креслу, глаза мальчика с немым укором уставились на Вульфа. Император охнул и повел плечами, по его спине пробежали мурашки.

Глава 7

Конец империи зла

С этого времени Вульфа постоянно преследовали страшные ночные видения. Постоянно снились глаза мальчишки, от них по спине струился холодный пот и заходило сердце. Часто снились кровоточащие руки, ноги, и красные тучи небосвода заливали окрестности не дождевой водой, а кровью. Ночные видения стали настоящим кошмаром. По утрам его мучили сильные головные боли, а с красных рук падали капли крови. Часа через два руки приходили в нормальное состояние, головная боль прекращалась.

Вульф перестал ложиться в постель, но без сна мог протянуть не более четырех суток. Дворцовый ученый-медик не установил диагноз. Гонцы императора разлетелись по всем городам и весям, на главных площадях зачитывали его обращение: «Господа ученые-медики, кто излечит недуг императора, тот получит огромное вознаграждение». Во дворец со всех краев империи прибывали медики, ни один не смог императора не только излечить, но даже установить диагноз...

Квирик и Хари пришли на торговую площадь, когда там зачитывалось обращение к медикам империи.

– Был бы здесь Бартон, – печально прошептал Квирик.

Стоявший поблизости беловолосый мальчишка придвинулся к нему.

– Ты знал Бартона? – спросил он.

Хари взяла руку мальчишки и прошептала:

– Молчи, уйдем отсюда, и расскажешь про него, – после чего все трое покинули торговую площадь.

Когда их разговор никто не мог подслушивать, Хари потребовала:

– Теперь говори, что с ним.

– Облом, – промямлил мальчишка, и из его глаз потекли слезы, – он погиб.

– Ну-ну, не разводи мокроту, ты же мужик, – попытался успокоить Квирик, – как это случилось?

– Мужики разбили пятнистых, но на следующее утро сошли с ума и убили друг друга.

– Гонишь, приятель, как же ты уцелел?

– Меня сбросили в ров.

– Прodelки волшебника, не иначе, – грустно промолвила Хари.

– Найду и убью заразу, – выдохнул мальчишка и пытался бежать.

– Остынь, юноша. – Квирик дружески приобнял его. – Кстати, как тебя зовут?

– Клун.

Хари привела его в свое жилище. Квирик весь день молчал и хмурился, как будто ему в мозг заноза воткнулась. Вечером Хари не выдержала:

– Что происходит, друг мой? От тебя ни слова, ни полслова. Ты онемел?

Квирик нахмурился, на лбу кожа собралась в морщинки.

– Не вспомнил я что-то важное, – буркнул он.

– Попробуй вспомни имя, время или событие, с чем связывалось то, что ты забыл, я всегда так делал, порой забытое вспоминалось, – предложил Клун.

Квирик вспоминал:

– Бандиты в пятнистой форме схватили Лину и Аолу, я бросился на помощь, из меня вышибли дух. Фея привела меня в сознание, что-то важное сказала и улетела.

Наступила тишина. Хари и Клун ждали продолжение воспоминаний. Через две-три минуты Квирик потер подбородок и неуверенно сказал:

– Хари, я укладываюсь на землю, склонись надо мной и проводи ладонью над моей головой, чтобы восстановилась картина.

Через какое-то время Квирик на самом деле вспоминал слова, как будто переместился во времени.

– Фея сказала о каком-то небесном камне, сделавшем императора марионеткой, и каком-то экране, без него не победить, – рассказал Квирик воспоминание.

Хари задумчиво потерла лоб рукой:

– Если император Вульф марионетка, значит, нужно не воевать с ним, а спасти его. Для этого нужен некий экран, но что это, как выглядит и где его взять?

Квирик хлопнул себя по лбу:

– Хари, на торговой площади я не двигал ни рукой, ни ногой, а ты свободно поднялась на колени. Помнишь?

– Помню. И что?

Квирик вскочил на ноги:

– Магическая сила Вульфа тебя не бросила наземь. Твоя шапка, Хари, и есть тот экран, о котором говорила фея. Я во дворце представляюсь врачом и надену шапку на голову императора.

– Тебе нельзя, ты похож на воина, – сказал Клун. – Я не воин, меня не заподозрили бы в иных умыслах.

– Прежде чем допустить к императору, вас будут проверять. Я же сойду за врача и просто девушку, к коим император питает слабость. Мне проще надеть шапку на его голову. Не пытайтесь отговорить, – возразила Хари...

На улицах было мало прохожих, жители города или вымерли, или выехали искать лучшую долю. Изредка один, другой или третий, опустив голову, спешил по неотложной нужде. Несколько молодых людей никуда не торопились и медленным шагом прохаживались по улицам. Хари добралась до дворца, представилась ученым-медиком, ее без расспросов допустили в покои императора. На губах охранников играла непристойная ухмылка. Император встретил Хари широкой улыбкой:

– Проходи, проходи. Давно такая красавица не навещала меня, доводилось принимать лишь уродливых особ. Ты и впрямь лекарь и как тебя зовут?

– Меня зовут Хари, я лекарь, привела к выздоровлению не один десяток больных сородичей.

– Откуда ты и кто твои сородичи?

– Я из Фасии, прослышала о твоей болезни и поспешила сюда.

Вульф трижды хлопнул в ладони, двери мгновенно открылись, влетели четверо слуг, застыли около двери и вытянулись в струнку.

– Праздничный стол и балдахин!

Его приказы выполнялись мгновенно. Прошло лишь несколько секунд, и стол накрыли. На нем было много различных блюд, стояли бокалы и бутылки с напитками. В центре – большой букет цветов. Множество других цветов украшали балдахин над кроватью.

– Ну что же, Хари, назвалась лекарем, так лечи меня.

Хари села в кресло напротив императора:

– На что жалуешься, мой повелитель?

– Ночью снятся кровавые части тела, по утрам болит голова, а руки красные, словно измазаны кровью.

– Понятно. Знакомые симптомы, болезнь называется «бахнабактериалия».

Император подозрительно взглянул в глаза Хари:

– С одного взгляда и одной фразы установила диагноз? Хм, многие бородатые профессора только ахали и охали.

По спине Хари пробежали мурашки, но она твердо проговорила:

– Болезнь редкая, но я излечила от нее двоих пациентов, не сомневайся, мой повелитель.

– Верю, верю, Хари. Режь меня, коли, царапай, но чтобы утром мои руки были нормального цвета, – сказал император и начал снимать одежду.

– Мой повелитель, не нужно кромсать твое тело, надень эту шапочку на голову, утром твои руки будут здоровыми, – твердо сказала Хари.

Тот набросил шапочку на непокорные волосы.

– О чудо! – тут же воскликнул император, вновь ощутив себя ученым писарем и вспомнив, как был счастлив, если удавалось написать доброе послание и помирить любящую семейную пару, и заспешил в опочивальню, где открыл дверь тайной комнаты. Он всмотрелся в свое отражение в зеркале, не нашел в нем пороков кровавого диктатора.

Вульф увидел на столе произведение гениального ювелира и понял, что им овладела чудовищная магическая сила космического пришельца и проецировала в его голову идеи абсолютного зла. Тогда добропорядочный ученый писарь силой мысли стал способен убить человека, возможно и большую армию, свободно плавать по магическим силовым линиям, ломать горы и опустошать реки и еще многое другое, что простому человеку недоступно. Он понял, что камень сделал его, добропорядочного ученого, своей марионеткой, и руками доброго писаря творил на Земле абсолютное зло. Следовательно, камень нужно было уничтожить.

Вульф вернулся в кабинет. Там с нетерпением его ожидала Хари. Она увидела выражение лица Вульфа и поняла, что выводы ее и Квирика оказались верными, что они свою задачу выполнили.

– Спасибо, Хари, иди домой, продолжения не будет, – буркнул император.

По его приказу в кабинет Вульфа доставили наковальню и кувалду. Один удар не раздробил камень, при повторной попытке могучая сила вырвала кувалду из рук и отбросила Вульфа от наковальни. Кувалда пробила стену королевского дворца и улетела в неизвестном направлении, а Вульф спиной ударился о стену дворца и потерял сознание.

Очнувшись, Вульф активировал волшебную силу зеркала. Оно отображало картины огромного материка. Вслед за движением пальца по поверхности зеркала в нем появлялись разные картины: снежные равнины северной территории плавно переходили в степное разнотравье, его сменяли огромные залежи желтых песков малонаселенной горячей пустыни и так далее. Одна картина в зеркале особенно привлекла внимание Вульфа.

Он увидел вулкан и увеличил изображение во весь размер зеркала. Из жерла вулкана вылетали в небо черный дым, газы, град камней, песка, глины, текла раскаленная жидкая лава, сжигающая все на своем пути.

– Это то, что нужно, – радостно вскричал Вульф, – не разбил, расплавлю в магме.

Он переоделся в простенькую одежду, какую носят беднейшие слои населения Средиземья, и забрался на крышу здания, сделав себя невидимым. Там он материализовал удобное кресло, забрался в него и придал максимальную скорость скольжения по магическим линиям. Вскоре он был над кратером действующего вулкана. Из него в это время вытекала только жидкая раскаленная лава.

– Прощай, абсолютное зло, сгни и никогда не возвращайся! – прокричал Вульф.

Он высоко над головой поднял зловещий камень и со всей силы бросил его в жерло вулкана. А затем удалился на необитаемые северные территории, обосновался там в одиночестве и писал книгу «Откровение».

А зловещий дар черной дыры не расплавился в магме, а вылетел из жерла вулкана и устремился в космическое пространство. Вселенная не приняла его и швырнула обратно на Землю. От удара о каменную скалу зловещий камень разбился на семь осколков, они разле-

телись на огромной территории в разные стороны. Центральный осколок в виде полупрозрачного диска упал под ноги высокого человека лет пятидесяти, одетого в желтый хитон. Тот поднял его, почувствовал прилив непонятной, могучей энергии, а в его голове возникла никем не произнесенная фраза.

Человек будто услышал своими ушами, как камень сказал: «Отнеси меня домой».

В жилище в его голове вновь возникли слова: «Найди шесть маленьких прозрачных шариков, принеси их сюда, и станешь непобедимым и бессмертным».

На этом камень перестал посылать слова в мозг, то есть «замолчал», как ему и положено природой. Человек надежно спрятал неожиданное приобретение.

Глава 8

Распад империи зла

Без тирана империя распалась на отдельные самостоятельные государственные образования. Первой о суверенитете заявила Ангория, обладающая самой крупной территорией. Затем от бывшей империи Вульфа, как льдинки при жарком солнце, стали отваливаться другие завоеванные страны. С развалом империи исчезла и вертикаль власти, выстроенная тираном.

В Средиземье осколки космического пришельца породили магическую энергию, наградившую всех жителей волшебной силой. Не все одинаково адаптировались к ней, самые одаренные получили большой заряд магии и стали могучими волшебниками. Города Ангории с прилегающими к ним территориями получили самостоятельность и стали называться кланами. Они сами избирали из своих рядов руководителя клана.

Для общего руководства Ангорией Большой Совет магистров образовал Магистрат из двенадцати главных магистров. Общее руководство Магистратом осуществлял Генеральный магистр, избираемый Советом Магистрата. Первым Генеральным магистром избран Нагон, обладающий большой магической силой и авторитетом.

Десять лет прошли в довольстве и добре. Раз в десять дней после тяжелых трудовых будней в кланах устраивались праздники с пением, танцами и хмельными напитками. Везде видны были следы довольства и труда. Квирик и Хари восприняли большой заряд магической силы и вошли в состав Совета Магистрата Ангории в качестве главных магистров...

Клун лежал на мягкой траве и любовался голубизной неба, на котором плавали редкие, маленькие кучевые облака, похожие на клочки нерастаявшего снега. Солнце изливало на землю горячие лучи. Клун отвел глаза и увидел одинокий валун размером около полутора метров высотой. «Какой богатырь смог принести его сюда?» – мелькнула мысль. В этот момент он услышал звон мечей и грозные, яростные крики, вырывающиеся из сотен глоток обезумевших людей. Из-за холма на открытое пространство степи вырвались сотни две разъяренных полудетых мужчин, словно бойня оторвала их от полуденного отдыха.

– Убью, гаденыш! – послышался обезумевший голос.

– Умри, несчастный! – перекрыл шум боя другой грозный рев.

Пожалуй, десяток воинов корчились на земле в смертельной агонии, и столько же лежали неподвижно. Красные пятна выделялись на зеленом полотне, как мазки неумелого художника.

Клун вскочил на камень, собрал всю силу легких в кулак и крикнул:

– Мужики!

Крик, возможно, долетел до моря, каждый воин услышал его. Из-за громкого крика или по иной причине пелена ненависти слетела с глаз воинов. Они опустили оружие и виновато посмотрели на бывших противников...

В это время Генеральный магистр Нагон собрал Большой Совет:

– Друзья мои, магистры, к нам нагрянуло лихо, появился чародей и наслал чары на кланы, отчего они пришли в неистовство и начали междоусобную войну.

– Кто он, этот чародей? – прозвучал вопрос из зала.

Огромного роста магистр вскочил на ноги.

– Нагон, ты Генеральный магистр, покончи с чародеем! Или ослабел? – От его мощного голоса муха свалилась с потолка.

Нагон погладил бороду:

– Большой Совет прямо сейчас избрал бы тебя, Бранч, Генеральным магистром, если нужно обществу, – спокойно парировал он.

В зале поднялся шум, магистры вскочили на ноги, некоторые начали топтать.

Магистр Тимыч встал с кресла и поднял руку вверх:

– Остыли, магистры, не время для свары, из-за Чародея погибли тысяча шестьсот пятьдесят три человека. Вам этого мало? Сейчас не до замены Генерального магистра. Продолжай, Нагон, что предлагаешь?

Нагон приосанился, потрогал длинную бороду:

– Нужно найти шесть камешков, они указали бы логово Чародея и помогли бы обезвредить его. – Нагон достал из кармана лист бумаги с рисунком камня и его описанием. Бумага долгое время ходила по рядам, магистры изучали ее и передавали другому, как эстафетную палочку.

Главный магистр Квинт поднялся с кресла.

– Кто принес известие о камнях? – спросил он.

– О шести камнях и их способности указать логово Чародея написано в книге, она называется «Священная книга», – ответил Нагон, – и давно утеряна, я читал ее, когда был маленьким.

– Где они находятся, эти камешки? – прозвучал вопрос из зала.

Нагон развел руки в стороны:

– Мне это не известно, иначе я не просил бы вашей помощи.

– Ты предлагаешь обшарить всю территорию Антарии? – прозвучал ехидный голос.

– А что делать? – вопросом на вопрос ответил Нагон и добавил: – Группа Квинта создала невидимую защиту от чар и монстров, но чародей изобрел демионов, способных взламывать ее. Вот так-то.

На следующий день тысячи человек разных возрастов, от малых сорванцов до белобородых старцев, ринулись к россыпям камней по берегам рек и иных водоемов. Но нулевой результат показал бессмысленность дальнейшего поиска. Чтобы перебрать миллиарды камней, могла потребоваться сотня лет. В надежде на случайную удачу поиск прекратили...

В это время на восточной окраине Ангории, в доме на лесной поляне, Брант изображал лошадь, на руках и коленях бегал по полу, держа на загривке двухлетнюю девочку. Та заливалась от смеха, когда лошадка скакала по полу и подпрыгивала, сбрасывая наездника. За ними со счастливой улыбкой наблюдала молодая темноволосая женщина. Стукнув дверью, в дом ворвался растрепанный мальчишка лет восьми.

– Па! Там огромные волки, их много, – громкий визгливый голос нарушил семейную идиллию.

Брант снял девочку со спины.

– Возьми дочку, Гия, пойду проверю, что за звери бегают. – Он взял мальчишку за руку и вышел из дома.

В молчании прошагали часа полтора. Парнишка, как взрослый, предпочитал зря не колыхать воздух, раскрыл рот только по просьбе отца.

– Я видел с вершины дерева, большие волки мчались в сторону города.

– Что значит большие?

– Раза в два больше тех, которых я раньше видел.

– Беги-ка домой, Грин, побереги женщин, мне нужно побывать в городе.

Мальчишке хотелось пойти с отцом, это желание отражалось на его лице, но он благозвучно, не открыв рта, побежал в сторону дома. Брант обнаружил небольшой городок, две-три улицы которого были усеяны трупами перекушенных людей. В одном из домов увидел женщину с двумя малышами. Они сидели с опухшими глазами, дольше плакать уже не было сил.

Брант подумал, что тиран Вульф вернулся во дворец, и опасался, что император вновь призвал бы его на службу. Он вспомнил о камешке, оставшемся в опочивальне Вульфа после его бегства. Тогда Брант прибрал его и хранил дома.

– Мне нужно отлучиться на два-три дня, не покидайте дом, – сказал он, обнял жену, потрепал детей по голове и вышел.

Хари и ее друга в прежней хижине не было, она выглядела давно брошенной, на полу были разбросаны охапки разных трав, валялись недошитые шапки. На торговой площади Рокана первый встречный охотно рассказал Бранту, что Хари и Квирик стали важными фигурами, служили в правительстве Ангории, и проводил Бранта к их теперешнему дому.

Поздним вечером Хари и Квирик подплыли к дому на транспортной платформе, они сидели на ней рядом и о чем-то мило беседовали. Как тыква, накрытая тканью, выглядел живот Хари. Брант вспомнил, что у Гии за несколько дней до рождения дочери живот имел такой же вид. Хари почувствовала присутствие чужого человека, обернулась, увидела Бранта, и улыбка на ее лице погасла. Квирик вскочил на ноги и встал между Хари и незванным гостем.

– Не опасайтесь, – мирно сказал Брант, – сегодня я свободный человек, как и вы.

– Выжил, значит, – выдавил из себя Квирик, – зачем явился?

– Не гневайтесь, друзья, – миролюбиво промолвил Брант. – Я принес подарок.

Он протянул Квирику маленький молочно-розового цвета плоский камешек.

– Что это?

– Император часто устраивал ночные оргии с девочками, где рекой лилось вино. Утром не всегда помнил, где потерял камень, дающий ему магическую силу. Я видел много раз, что в таких случаях он доставал из сейфа этот камешек и с его помощью находил пропажу, – спокойно ответил Брант.

– Интересно, – заинтересовалась Хари, – как камешек указывал на потерю?

– Он вибрировал вблизи искомого предмета.

– Спасибо, приятель, – в унисон прозвучали два голоса.

Брант ушел. Квирик стал рассматривать камень со всех сторон, но не находил в нем ничего особенного, камень как камень, таких множество в руслах рек.

– Чем он был бы нам полезен? – вслух размышлял Квирик.

– Может, с его помощью мы обнаружили бы камни, о которых говорил Нагон?

– Если бы так... – покачал головой Квирик.

Часть вторая

Попытка возрождения империи

Глава 1

Приглашение в страну магии

Илона закрыла глаза и в объятиях Морфея перенеслась на луг, где от цветка к цветку порхали маленькие светлячки, единственные источники света, поскольку сквозь черные тучи не видно было луны и звезд. Из центра темного небосвода выплыла фигура старика, с белыми усами и длинной белой бородой. Он опустился на землю и сел рядом с Илоной. Его седые волосы свисали ниже плеч и на уровне лба были перевязаны черной лентой. Взгляд старика выражал печаль и тревогу, губы шевелились, но Илона не слышала голоса, а каким-то иным, не понятным ей способом понимала его речь.

– Здравствуй, Илона, меня зовут Нагон, – сказал белобородый и сел напротив нее.

Илона терялась в догадках.

– Кто ты и откуда узнал мое имя? – недоуменно спросила она.

– В священной книге записано, что ты, Илона Шлеф, назначена высшим разумом спасительницей магического мира от могущественного чародея. Я приглашаю тебя к нам, чтобы ты выполнила свою миссию и спасла наш мир от гибели.

Илона хотела прикоснуться к старику, но ее рука свободно прошла сквозь его тело, не встречая сопротивления.

– Как я попаду в ваш мир, ты бесплотный, не унесешь меня с собой? – рассмеялась Илона.

– Завтра открывается портал между мирами. Переход трудный, но тебе он не доставит больших проблем, этот камешек в портале передаст тебе большую магическую силу.

Нагон взмахнул рукой, и в воздухе появился небольшой, серый, шершавый, плоский, неправильной округлой формы камешек, он медленно опускался, как с ветки березы в безветренную погоду падает пожелтевший лист. Илона подставила руку, камень опустился на нее и засветился слабым голубым сиянием. Если бы не свечение и непонятные знаки на нем, как будто выгравированные отличным мастером, он не отличался бы от тех, множество которых разбросано около русла реки.

– Возьми его и запомни дорогу к portalу.

Нагон еще раз взмахнул рукой, часть неба посветлела, и Илона увидела рисунок местности и стрелки, показывающие путь от ее дома к portalу.

– Прощай, Илона. Дальше мне оставаться нельзя.

Белобородый растаял, и темная пелена упала с небосвода. На безлунном небе появились звезды. Погасли светлячки, сидевшие на цветах, пока шла беседа с ночным гостем.

Илону вновь захватил Морфей в свои объятия и унес в страну грез, где ее ждала радость встречи с принцем на белом коне. Завтра ей исполнялось шестнадцать лет, она грезилась о прекрасном принце, стыдилась ночных видений и никому о них не рассказывала, даже маме...

Утром Илона открыла глаза и зажмурилась от ярких лучей солнца, льющихся в окно, услышала папин басовитый, мамин высокий и два писклявых голоса маленьких братьев, слившиеся в один голос, который поздравлял ее с днем рождения.

Остатки сна улетучились, Илона вскочила с постели, провела ежедневные гигиенические процедуры. Не выходил из головы ночной разговор с белобородым старцем, непонятно, что это было, просто сон, или же Нагон на самом деле посещал ее и просил о помощи? Она сунула

руку в карман, где обнаружила маленький камешек, но она его нигде и никогда не подбирала, значит, камень остался от ночного гостя. Тогда получалось, что это был не просто сон.

– О чем задумалась, Илонушка?

– Да так, ни о чем, привиделся глупый сон.

– Так ложись, еще поспи, времени до праздничного обеда еще вагон и маленькая тележка. Я со всеми делами справлюсь сама. Вдвоем мы мешали бы друг другу. Коли не хочешь спать, лучше пойдешь с братиками погуляй. Они давно мечтали убежать из-под моей опеки.

Мальши гонялись за бабочками, соревновались в кидании камней, громко спорили, кто дальше бросает. Вдоволь набегавшись, они собирали цветы, самые красивые, по их разумению, и, как истинные джентльмены, преподносили Илоне.

Близнецам шел шестой год, они сами себя признавали вполне самостоятельными, стремились ухаживать за собой, что не всегда получалось. Братья дружили, но порой ссорились из-за игрушки, дело иногда доходило до тумачков. Потом они шумно мирились и долго ходили обнявшись.

– Лонка, ты подаришь нам в день рождения собачку? С нею нам было бы весело, мы бы учили ее разным фокусам, – просили в голос малыши.

– Конечно, подарю, но не одну собачку, а две, чтобы у каждого была своя и вы не ссорились, тем более не дрались.

– Мы деремся редко, мы же братья, – дуэтом прозвенели их голоса.

Они обнялись и, наполненные достоинством, пошли по своим, им одним известным делам. Илона отпустила их в самостоятельное плавание. Небольшой российский городок Торин в двадцать первом столетии представлял собой тихую гавань, далекую от огромных бурлящих городов.

Дома у Илоны исходили паром кастрюли с варевом, шкворчала сковорода с жарящимся мясом. Сваренный компот отдыхал на столе, доходя до нужной кондиции. Кухня была наполнена ароматами, которые свели бы с ума голодного человека, заставили бы его забыть правила приличия. Маминими стараниями праздничный обед готов, осталось лишь украсить торт.

– Доченька, сделай надпись на торте, какая тебе показалась бы подходящей для сегодняшнего события.

Илоне ничего иного в голову не пришло, кроме банальной надписи: «С днем рождения!»

Она расстроилась и плаксивым голосом проговорила:

– Вот так. Выросла дубина дубиной. Не умею даже фантазировать.

– Ну-ну, – ласково погладила ее по голове мама, – самая правильная нейтральная надпись, никто не увидел бы в ней тайного смысла, не воспринял бы на свой счет и не обиделся.

Совсем близко начало праздничного торжества. Уже подошла и ожидала на улице старенькая, добрая и говорливая тетушка Атона, жившая в соседнем маленьком домишке, знавшая все местные новости. Злые языки называли ее сплетницей. Вскоре подошли к празднеству Сол, Атон и Лом, с ними Илона с четырнадцати лет связала себя клятвой на вечную дружбу и постоянную помощь друг другу...

За столом, во время праздничного обеда, Илона краснела от удовольствия, когда слышала теплые и ласковые слова в свой адрес.

Приветственное слово сказал Сол:

– Лонка, от лица всех мушкетеров прими поздравление с днем рождения, мы всегда рядом и все за тебя.

Маленькие братишки прокричали писклявыми голосами:

– Привет, Лонка. Смейся от души!

Затем лакомились превосходным тортом, слушали музыку, танцевали, пели песни... После праздничного обеда Илона проводила тетушку Атону, с ней она дружила, порой забегала

проведать старушку, помочь по хозяйству. Она была уверена, что тетушку зря называли сплетницей, та строго, как в банковском сейфе, хранила доверенные ей некоторые тайны Илоны.

Тетушка Атона рассказала все городские происшествия. Она не часто выходила из дома, но каким-то чудесным образом знала обо всех событиях, будто на нее работала армия никому не известных информаторов.

Около дома стояла скамейка, на ней тетушка сидела в солнечные летние дни, наслаждалась теплыми лучами. Илона задала ей важный для себя вопрос:

– Тетушка Атона, расскажи, пожалуйста, как я появилась на свет?

– Ну, милая, – улыбаясь, сказала та, – ты уже большая, должна хорошо знать, как дети появляются на свет божий. Вот ты скажи мне, милая, что за имена у твоих друзей – Сол, Атон и Лом, какие-то они не нашенькие.

– У моих друзей не имена, а псевдонимы. А ты, тетушка, не уходи от ответа. Я знаю, как появляются дети. Расскажи мне, что происходило в то время, когда я родилась? Было ли что-нибудь странное, необычное, загадочное?

– Зачем тебе ворошить прошлое?

Илона обеими руками ухватила руку тетушки, погладила ее, заглядывая в глаза:

– Тетушка, расскажи, пожалуйста, мне очень нужно знать.

– Куда от тебя денешься...

Тетушка Атона несколько минут помолчала, вспоминая давние годы и собираясь с мыслями, затем произнесла длинную тираду:

– До самого твоего рождения у твоей мамы не видно было живота. Никто, и я в том числе, понятия не имел, что она носила ребенка. Перед твоим рождением что-то странное творилось с природой. На небе не было туч, но луны и звезд тоже не было видно. Черно и тихо, как в могиле. Не трепыхался ни один листочек на деревьях. По черному небу изредка проносились стрелы молний, но не слышно было громовых раскатов. Я сидела на этой самой скамейке, замороженная небывалым зрелищем.

Тогда ты и родилась, и была такой крошечной, ну прямо как Дюймовочка, но взгляд был ясный, почти осмысленный, словно ты все понимала, что происходило на белом свете. Это все. Больше мне рассказать нечего, могу только добавить, что ты быстро набрала нормальный вес, соответствующий возрасту.

– Спасибо, тетушка, побегу домой, – сказала Илона, вскочила со скамейки и умчалась.

Она долго не могла заснуть, рассказ тетушки Атоны о таинственных небесных сполохах и молниях без громовых раскатов соответствовал легенде ночного гостя о ее рождении в другом мире. Сейчас тот мир, где живут миллионы человек, погибал.

Илона вскочила с постели и принялась ходить по спальне взад-вперед: «Что, если меня высший разум на самом деле избрал для спасения большого мира? Если ночью был не глупый сон, а настоящая просьба о спасении?»

После долгих раздумий Илона приняла решение, легла в постель и закрыла глаза. Сон унес ее в страну грез и видений. Весь следующий день она не отходила от мамы, прижималась к ней, обнимала и говорила добрые слова.

– Что произошло, Илонушка? Ты сегодня какая-то не такая, как всегда, – не выдержала мама необычного поведения дочери, – спрашивай обо всем, я отвечу на любые вопросы. Не появился ли у тебя тот близкий друг, которого можно назвать принцем на белом коне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.